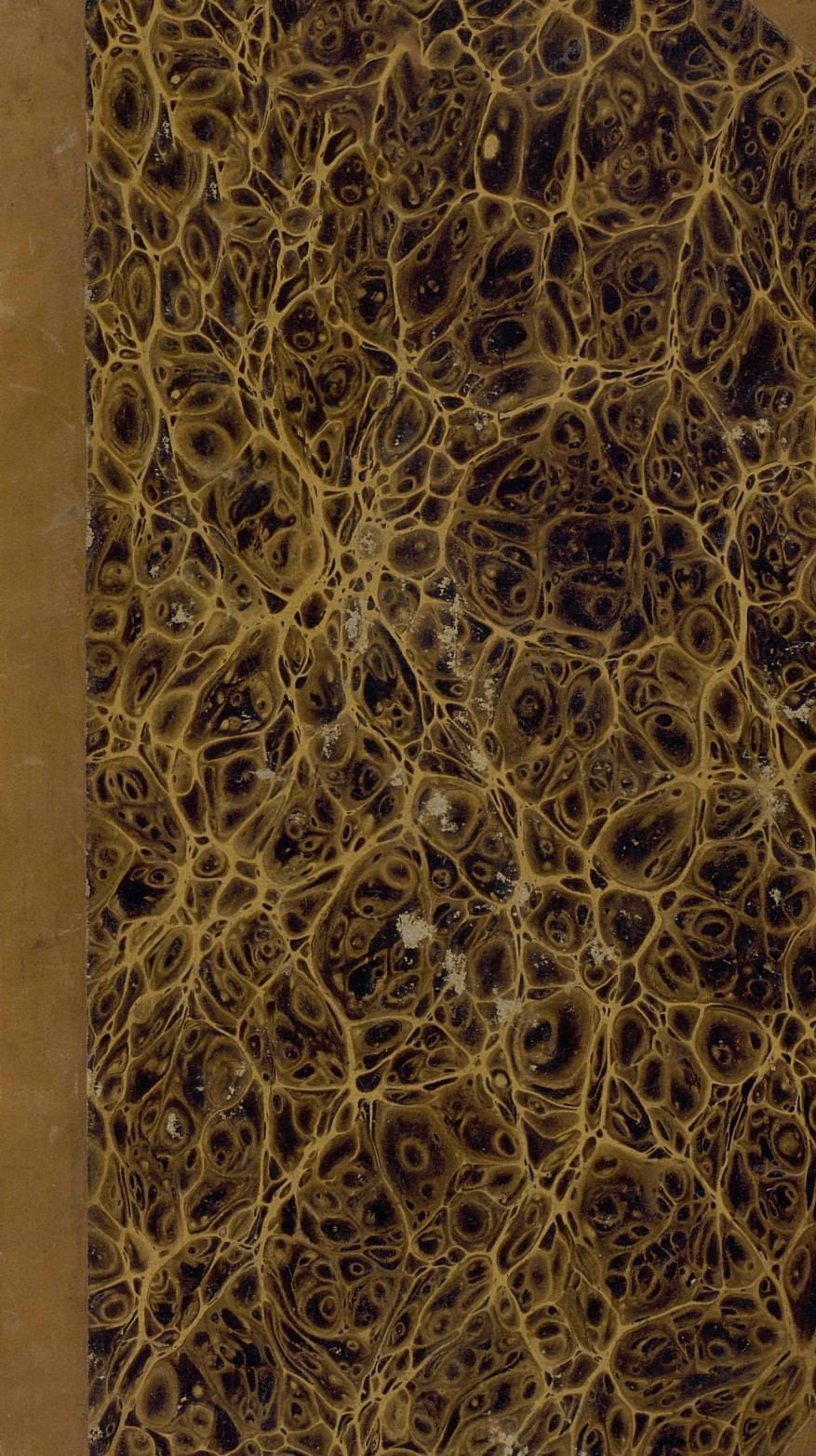

ОБОЗРѢНІЕ

ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ ПРАВИЛЪ И СИСТЕМЪ

СТРАТЕГІИ.

ОБОЗРѢНІЕ

ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ ПРАВИЛЪ И СИСТЕМЪ

СТРАТЕГІИ.

СОСТАВИЛЪ

 Б-нъ НИКОЛАЙ МЕДЕМЪ,

Артиллеріи Генераль-Маіоръ, Профессоръ Стратегіи и Военной Исторіи въ
Императорской Военной Академіи.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1856.

ОБОЗРЕНІЕ

ИЗВѢСТІЯ И СООБЩЕНІЯ

СЛѢДСТВІЯ

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобъ по отпечатаніи
представлены были въ Ценсурный Комитѣтъ три экзем-
пляра сей книги. С. Петербургъ, 28 Марта 1836.

Ценсоръ С. Куторга.

СОСТАВЛЯЕТЪ

ОТДѢЛЕНІЕ ИЗВѢСТІЙ

ИЗДАВАННОЕ ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ

ВЪ ТИПОГРАФІИ

Въ типографіи II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

1836

ПРЕДИСЛОВІЕ.

При нынѣшнемъ состояніи военной Литтературы трудно получить о Стратегіи понятія ясныя и удовлетворительныя.

Кто, въ намѣреніи изучиться Стратегіи, образоваль отчасти мысли свои по одному какому-нибудь сочиненію, тотъ, при чтеніи другихъ, будетъ очень удивлень, встрѣчая на каждомъ шагу понятія, вовсе съ прежними несогласныя, либо явно имъ противныя. Эти разнорѣчія и несообразности простираются иногда до такой степени, что ежели бы

читатель не встрѣчалъ по временамъ словъ: *война, армія, операціонная линія* и т. п., то ему могло бы показаться, что тутъ дѣло идетъ о какомъ нибудь другомъ предметѣ, а вовсе не о Стратегіи.

Такимъ образомъ, чѣмъ онъ читаетъ далѣе, тѣмъ болѣе запутываетъ свои понятія, и въ его головѣ сдѣлается наконецъ совершенный хаосъ, если онъ усиліями разсудка, догадливости и размышленій, не будетъ умѣть пособить себѣ и не составитъ изъ этого разногласія, такъ сказать, свою собственную Стратегію.

При столь неопредѣлительномъ состояніи военной Литтературы по части стратегической, обѣщаетъ великую пользу такое сочиненіе, которое бы хотъ вкратцѣ заключало въ себѣ: обзоръ всѣхъ извѣстнѣйшихъ стратегическихъ книгъ, показывая,

во-первыхъ, тѣ стороны, съ которыхъ каждый Авторъ смотрѣлъ на предметъ; во-вторыхъ, тѣ начала, на коихъ каждый изъ нихъ основалъ свои выводы; и въ-третьихъ, причины взаимнаго ихъ несогласія. Такое сочиненіе опредѣлило бы мѣсто, принадлежащее каждой книгѣ относительно къ прочимъ и къ цѣлой наукѣ вообще; однимъ словомъ, оно было бы, въ лабиринтѣ стратегической Литтературы, Аріадниной нитью. — Между тѣмъ ни на одномъ языкѣ подобнаго сочиненія еще не появлялось, и предлагаемый здѣсь обзоръ есть первый слабый опытъ къ исправленію этого недостатка.

Цѣлю предпріятія моего было сначала одно только то, о чемъ упомянуто выше, но при исполненіи присоединилось еще и другое: Удобство слѣдовать, въ обзорѣ сочиненій, хронологическому порядку

появленія ихъ въ свѣтъ, возродило, естественнымъ образомъ, желаніе связать мысли каждаго Автора съ ближайшими къ нему военными событіями, то есть, дать замѣтить, гдѣ можно, какое вліяніе имѣли событія на сочиненія, и сочиненія на событія.

Такимъ образомъ нашъ обзоръ принялъ непримѣтно видъ краткаго очерка *Исторіи Стратегической Литтературы*, заключающаго въ себѣ отчасти и главнѣйшіе перевороты Стратегіи на самыхъ театрахъ войны.

Будучи весьма далекъ отъ того, чтобъ считать мысли и разсужденія мои неопровергаемыми, я увѣренъ напротивъ, что мой трудъ, какъ и всякій первый опытъ, удовлетворителенъ быть не можетъ, и что если даже главные и общіе результаты его будутъ приняты за

справедливые, то и тогда найдутся въ немъ большіе недостатки относительно къ частнымъ мыслямъ и выводамъ. А потому желалъ бы я душевно, чтобъ эта слабая попытка моя возбудила споры и критику, ибо одно лишь столкновение противоположныхъ мнѣній въ силахъ объяснить предметъ надлежащимъ образомъ; одно оно только можетъ обнаружить истину, и двинуть впередъ самую науку.

Болѣе всего старался я сообщить хотя краткое понятіе о всемъ томъ, что сдѣлано по части Стратегіи до нынѣ, и навести читателя прямо на тотъ пунктъ, откуда бы ему можно было обозрѣвать вполне теперешнее состояніе науки, какъ бы съ нѣкотораго возвышенія. Мнѣ хотѣлось избавить соотечественниковъ отъ излишняго труда отыскивать и повторять то, что иностранцами

давно уже найдено, рассмотрѣно и со всѣхъ сторонъ обсуждено.

Однимъ словомъ, мнѣ хотѣлось, чтобы трудъ мой привелъ соотечественниковъ тотчасъ на ту черту, съ которой бы они могли устремиться на поприще стратегической Литтературы вмѣстѣ съ иностранцами, не имѣя уже надобности догонять ихъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Введеніе.	I
ГЛАВА ПЕРВАЯ.	1
1. О Стратегіи до появленія ея въ видѣ науки.	—
2. Лойдъ.	10
3. Войны Фридриха II-го.	18
4. Кордонная система.	23
5. Бюловъ.	26
6. О первыхъ сочиненіяхъ Генера- рала Жомини	31
7. Сочиненіе Эрцъ-Герцога Карла о Стратегіи.	76
8. Ронья	90
ГЛАВА ВТОРАЯ	101
1. Ксиландеръ.	103
2. Водонкуръ.	113
3. Новѣйшее сочиненіе Генерала Жомини о Стратегіи	115
ГЛАВА ТРЕТІЯ.	129
1. Мысли Наполеона о Стратегіи.	130
2. Декеръ	137
3. Вагнеръ	145
4. Клаузевицъ.	149
Заключеніе.	163
Послѣсловіе	200

ОБОЗРѢНІЕ СТРАТЕГІИ.

ВВЕДЕНІЕ.

Ни одна изъ наукъ, имѣющихъ цѣль практическую, не могла быть создана на началахъ чисто умозрительныхъ; нѣкоторыя извѣстныя данныя, опытомъ дознанныя, должны были служить ей основаніемъ. Даже Математика, наука по видимому наиболѣе основанная на умозрѣніи, не имѣла иного начала: поводомъ къ открытію ея законовъ служили явленія міра дѣйствительнаго.

Стратегія — наука по цѣли своей чисто практическая, отличается отъ Математики и другихъ подобныхъ наукъ тѣмъ, что основывается на данныхъ не положительныхъ, непостоянныхъ, но подверженныхъ частымъ измѣненіямъ. —

Цѣль войны, составъ и сила войска, его

вооруженіе и образъ дѣйствія, его нравственная сила, расположеніе и физическія свойства театра войны, средства для продовольствія и т. п., составляютъ предметы, на которыхъ основываются соображенія Стратегіи. Очевидно, что большая часть этихъ предметовъ должна измѣняться съ каждою войною, и что ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть постояннымъ во все время и во всехъ случаяхъ. Сіе доказывается и Военною Исторіею.

И такъ, основывать теорію чисто умозрительную на такихъ, непрерывно измѣняющихся началахъ, было бы одно бесполезное умствование. Оставалось для созданія науки-Стратегіи одно средство, собственно практическое, а именно: основныя правила этой науки извлекать изъ Исторіи военныхъ событій, руководствуясь опытомъ временъ протекшихъ.

Всѣ лучшіе военные Писатели ясно видѣли такую необходимость основывать Стратегію на Военной Исторіи. Сличивъ между собою военныя событія и обративъ вниманіе преимущественно на то, что въ нихъ было *общаго*, то есть, что во многихъ случаяхъ повторялось постоянно съ пользою, и то, что столь же постоянно оказывалось вреднымъ, сіи Писатели получили первую основу для Стратегіи.

Дальнѣйшее развитіе этихъ основныхъ правилъ, извлеченіе изъ нихъ правилъ частныхъ, подчиненіе первымъ послѣднихъ, вело естественнымъ образомъ къ составленію науки систематической, а сему-то ходу слѣдовали Авторы всѣхъ первыхъ сочиненій о Стратегіи. Если бы основныя правила, извлеченныя такимъ образомъ изъ событій, были дѣйствительно *безусловными, общими* для всѣхъ временъ и обстоятельствъ, то

Стратегія, безъ сомнѣнія, могла бы сдѣлаться наукою совершенно систематическою; ибо гдѣ имѣются общія правила, тамъ существуетъ и зависимость отъ нихъ другихъ частныхъ правилъ, словомъ—тамъ есть система.

Чтобы изслѣдовать, могли ли правила Стратегіи имѣть требуемую общность, разсмотримъ самый образъ произхожденія ихъ. Они могли родиться или 1) изъ разсмотрѣнія и сличенія, между собою, нѣсколькихъ только военныхъ дѣйствій, ближайшихъ къ тому времени, когда жилъ самъ Писатель, или 2) изъ изслѣдованія всѣхъ возможныхъ данныхъ, то есть изъ военныхъ событій всѣхъ временъ и народовъ.

Первымъ способомъ пріобрѣтенныя правила, годныя для одного времени, должны были часто несогласоваться съ дѣйствіями другаго времени, въ которомъ и оружіе и многія другія обстоятельства,

измѣнясь, получили совершенно иное вліяніе на образъ войны. И такъ, удобопримѣняемость этихъ правилъ ограничивается только на дѣйствія современныхъ; совершенно же общими они очевидно быть не могутъ.

Второй способъ доставляетъ правила болѣе надежныя: ибо можно предполагать, ^(примѣло) съ достаточною вѣроятностью, что оказавшееся справедливымъ постоянно въ теченіи нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ, останется справедливымъ и для будущаго времени. Впрочемъ и здѣсь существуетъ одно лишь *вѣроятіе*, а не *достоверность*. Изобрѣтеніе какого либо новаго оружія, употребленіе какихъ либо новыхъ средствъ, доселѣ неизвѣстныхъ, можетъ внезапно измѣнить все, и нельзя ручаться, что Стратегія не испытаетъ такого же измѣненія, какому она подверглась по введеніи огнестрѣльнаго оружія.

Сколь ни очевиднымъ кажется, что

второй способъ для извлеченія стратегическихъ правилъ, должно предпочитать первому, но б'ольшая часть Сочинителей, какъ то въ послѣдствіи увидимъ, руководствовалась первымъ средствомъ. Они ограничивались изслѣдованіемъ дѣйствій имъ современныхъ, и тѣмъ самымъ, разумѣется, болѣе и болѣе удалялись отъ своей цѣли—общности правилъ.

Здѣсь въ краткомъ обзорѣ разсмотримъ мы: 1) начало и постепенное развитіе науки Стратегіи; 2) правила, выводимыя изъ произшествій современныхъ или предшествовавшихъ и постепенно одно за другимъ включаемыя въ эту науку; и (сколько сіе возможно) 3) вліяніе, въ свою очередь, этихъ правилъ и этой науки на послѣдующія событія; наконецъ, 4) какими путями наука Стратегія достигла той степени, на которой находится нынѣ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

І. О СТРАТЕГІИ ДО ПОЯВЛЕНІЯ ЕЯ ВЪ ВИДѢ НАУКИ.

Стратегія въ сущности своей, какъ искусство, существовала во всѣ времена, когда были войны. Какъ наука, она явилась тогда только, когда стратегическія соображенія пріобрѣли значительную важность въ дѣйствіяхъ войны и сдѣлались болѣе сложными и трудными. Тогда только и родилась мысль подвести эти соображенія подъ общія правила и представить ихъ въ видѣ науки.

У древнихъ Грековъ и Римлянъ стратегическія соображенія не имѣли той важности, какую они имѣютъ нынѣ.

Сему причиною многія обстоятельства: арміи ихъ, не превышая числительностью нынѣшнихъ корпусовъ, находили почти на всякомъ театрѣ войны достаточное для себя продовольствіе; рѣдко онѣ нуждались въ привозѣ изъ отдаленныхъ мѣстъ съѣстныхъ припасовъ; оружіе древнихъ, по простотѣ своей, не только служило весьма долго, но и вездѣ, гдѣ бы армія ни находилась, могло быть исправляемо, а отчасти и вновь изготовлено, при томъ по свойству своему не требовало подвоза, ни снарядовъ, ни другихъ военныхъ запасовъ. По этимъ причинамъ обезпеченіе сообщеній въ тылу арміи, для древнихъ было несравненно менѣе важно, нежели для насъ, а всѣ тѣ стратегическія соображенія, которыхъ цѣль сохранять собственныя сообщенія и дѣйствовать на сообщенія непріятельскія и составляющія нынѣ столь важный предметъ военныхъ дѣйствій, — для нихъ были побочными и

вовсе не важными. Притомъ сраженія у древнихъ были рѣшительнѣе, и потому, въ сравненіи съ прочими военными дѣйствіями, имѣли бѣольшую относительную важность. Войска ихъ, по вооруженію своему, сходились близко; отступать послѣ боя, съ малымъ только урономъ, было невозможно; оружія, подобнаго огнестрѣльному, которымъ можно замедлять и останавливать преслѣдованіе непріятеля, не имѣлось, и потому въ каждомъ сраженіи дрались до крайности, и побѣда вела всегда къ совершенному почти истребленію побѣжденныхъ.

Изъ этого видно, что древніе Полководцы не нуждались прибѣгать къ помощи стратегическихъ соображеній для содѣланія сраженій болѣе рѣшительными и что, съ другой стороны, не могли исправлять такими соображеніями того, что было потеряно проиграннымъ боемъ. И потому кругъ стратегическихъ дѣйствій

былъ весьма ограниченъ, а Тактика, т. е. наука, указывающая средства имѣть верхъ надъ непріятелемъ въ самомъ бою, составляла главнѣйшую и почти единственную отрасль Военнаго Искусства.

Слѣдствіемъ этого было то, что военные Писатели тѣхъ временъ, видя весьма мало примѣровъ удачнаго употребленія стратегическихъ соображеній, не почитали ихъ довольно достаточными для основанія новой военной науки. Они приписывали подобныя соображенія одной геніальности Полководца, неподлежащей ни какимъ правиламъ, или представляли ихъ, какъ частныя примѣры военной хитрости, а часто вовсе не постигали ни цѣли ихъ, ни важности.

Обстоятельства, давшія Тактикѣ у древнихъ столь рѣшительный перевѣсъ надъ Стратегією, очевидно должны были измѣниться по изобрѣтеніи пороха и введеніи огнестрѣльнаго оружія. Но еще не

скоро успѣли примѣниться къ свойствамъ и потребностямъ новаго оружія; еще долго не было оно общимъ, и главный характеръ военныхъ дѣйствій оставался почти тотъ же въ продолженіе почти трехъ столѣтій. Этотъ періодъ представляетъ бореніе *старого* образа войны съ *новымъ*.

Наконецъ, не ранѣ исхода семнадцатаго столѣтія огнестрѣльное оружіе сдѣлалось общимъ для всей пѣхоты; тогда же огромное число артиллерійскихъ орудій признано необходимымъ для всякой арміи. Къ этимъ обстоятельствамъ присоединились два другія случайныя, а именно: стали дѣйствовать арміями гораздо сильнѣйшими, и продовольствовать ихъ единственно подвозами изъ магазиновъ, устроиваемыхъ въ тылу армій. Все это въ совокупности должно было совершенно измѣнить прежній образъ войны.

Необходимость непрерывнаго подвоза не только снарядовъ и другихъ предметовъ, нужныхъ для дѣйствій огнестрѣльнымъ оружіемъ, но и съѣстныхъ припасовъ, — эта необходимость поставила армію въ совершенную зависимость отъ тѣхъ пунктовъ, на коихъ были собираемы главные сіи запасы.

Охраненіе этихъ пунктовъ и обезпеченіе сообщенія арміи съ ними, сдѣлались предметами весьма важными. Потеря главнаго магазина или только большаго транспорта могла уже имѣть столь же рѣшительныя послѣдствія, какъ и проигранное сраженіе.

Такимъ образомъ многочисленная армія, удалившись далѣе четырехъ или пяти переходовъ отъ склада своихъ запасовъ, не могла уже продовольствоваться одними подвозами изъ онаго. Армія должна была остановиться на этомъ разстояніи, устроить новый магазинъ, обезпе-

чить его укрѣпленіями и войсками, и тогда только двинуться впередъ снова на нѣсколько переходовъ. Отъ того происходила медленность въ движеніяхъ и дѣйствіяхъ армій; эта медленность увеличивалась еще тѣмъ, что механизмъ самаго движенія большихъ массъ войска съ артиллерією былъ еще далекъ отъ удобства нынѣшняго.

Эти обстоятельства придали крѣпостямъ бѣольшую важность противъ прежняго:

1) *Крѣпости свои* служили главными складами запасовъ.

2) *Крѣпости непріятельскія* нельзя было миновать, не обложивъ или, по крайней мѣрѣ, не оставивъ значительнаго числа войска для обезпеченія, противъ ихъ гарнизона, своихъ сообщеній. Сверхъ того, обладаніе непріятельскою крѣпостію доставляло надежный пунктъ для склада запасовъ въ непріятельской землѣ.

Но между тѣмъ, какъ съ одной стороны магазины, сообщенія и крѣпости сдѣлались столь важными предметами Военнаго Искусства, *сраженія* съ другой стороны потеряли прежнюю свою первенствующую важность. Они сдѣлались менѣе рѣшительны, и по самому свойству огнестрѣльнаго оружія и еще болѣе по неспособности тогдашнихъ армій къ быстрому и продолжительному преслѣдованію, столь необходимому для полученія отъ побѣды надлежащей пользы. Притомъ еще неявилось искусство, соображеніями стратегическими доставлять сраженіямъ послѣдствія болѣе рѣшительныя. Сраженія давались съ одною лишь тактическою цѣлію—*поражать непріятеля*.

Отъ этого самыя войны сдѣлались нерѣшительными. Невозможнымъ считалось проникнуть съ арміею во внутрь сильнаго непріятельскаго Государства, и главная цѣль войны ограничивалась овла-

дѣніемъ какою либо непріятельскою пограничною областью и преимущественно крѣпостями, въ ней лежащими.

Оттѣснить противника отъ прикрываемой имъ крѣпости, обложить ее одною частию войскъ, а другою въ сильной позиціи прикрывать осаду, — вотъ въ чемъ заключались тогда почти всѣ дѣйствія наступательной войны; сраженія давались рѣдко и тогда только, когда дѣлались совершенно неизбѣжными, т. е. когда ни обходами, ни другими какими маневрами, не могли достигнуть предположенной цѣли.

Этотъ образъ войны, сдѣлавшись всеобщимъ въ концѣ семнадцатаго и началѣ осмнадцатаго столѣтій, показалъ явно всѣмъ, желавшимъ подчинить Военное Искусство правиламъ, что Тактика потеряла прежнюю свою, исключительную важность, что въ военныхъ дѣйствіяхъ явились новые предметы для соображеній,

новые способы нанести вредъ непріятелю, не доходя до рѣшительнаго дѣйствія оружіемъ, и что слѣдовательно надлежало создать, отдѣльно отъ Тактики, новую науку, которая бы служила руководствомъ въ этихъ новыхъ соображеніяхъ.

По этому у всѣхъ лучшихъ военныхъ Писателей конца семнадцатаго и начала осмнадцатаго столѣтій мы уже встрѣчаемъ многія мысли и правила, относящіяся непосредственно къ Стратегіи; но эти мысли разсѣяны безъ порядка, не связаны между собою и не составляютъ ни чего цѣлаго.

II. Лойдъ.

Лойдъ, въ сочиненіи своемъ: *Mémoires politiques et militaires*, первый представилъ въ связи правила стратегическихъ соображеній, и этимъ положилъ основаніе Стратегіи, какъ отдѣльной науки.

Образъ дѣйствія уже измѣнился во время Лойда; онъ былъ свидѣтелемъ блистательныхъ подвиговъ Фридриха II въ продолженіи семи-лѣтней войны. Не смотря на это, бѣольшая часть мыслей и правилъ Лойда не относится къ симъ послѣднимъ событіямъ. Мысли его образовались уже прежде; ихъ направили и утвердили событія конца семнадцатаго и начала осмнадцатаго столѣтій. Лойдъ напился духомъ военныхъ дѣйствій сего періода, и имъ-то принадлежитъ бѣольшую частію его стратегическая система.

Главнымъ основаніемъ новѣйшаго образа войны, главнымъ различіемъ его отъ образа войны древнихъ—Лойдъ принялъ: *первое*, необходимость имѣть вблизи, въ тылу арміи, магазины для снабженія войскъ съѣстными и военными припасами, — и *второе*, происшедшую изъ сего другую необходимость: обезпечивать отъ

покушеній непріятеля, какъ магазины, такъ и сообщенія арміи съ ними.

Удалиться отъ такихъ магазиновъ на четыре или на пять переходовъ, не устроивъ новыхъ складовъ, считаетъ Лойдъ не только опаснымъ, но даже невозможнымъ, и потому онъ почитаетъ невозможными и обширныя или дальнія завоеванія. Вся возможная цѣль наступательныхъ дѣйствій есть, по его мнѣнію, овладѣніе какою-либо пограничною областью, посредствомъ взятія находящихся въ ней крѣпостей. Пока армія не достигла крѣпости, служащей цѣлію дѣйствій, должно, по мнѣнію Лойда, держать силы въ совокупности; по достиженіи же, отрядить часть войска для осады, а съ остальною частию, до взятія крѣпости, дѣйствовать оборонительно, т. е. прикрывать осаду и предупреждать всѣ покушенія непріятеля на сообщенія.

Тому, кто ведетъ войну оборонительную, Лойдъ совѣтуетъ противопоставлять непріятелю только часть своихъ силъ, а съ остальными дѣйствовать въ разныхъ пунктахъ на его сообщенія, но избѣгая рѣшительнаго боя, чтобы не быть разбитымъ по частямъ.

Вліяніе мѣстности на военныя дѣйствія онъ разсматриваетъ почти исключительно съ одной лишь точки зрѣнія, а именно: въ отношеніи къ продовольствію и къ тѣмъ путямъ, по которымъ оно должно быть доставляемо.

Всѣ эти мысли Лойда, составляющія главную основу стратегической его системы, не что иное, какъ прямой выводъ изъ дѣйствій конца семнадцатаго и начала осьмнадцатаго столѣтій, или, лучше сказать, точное изображеніе правилъ, которыми руководствовались лучшіе Полководцы того времени: Монтекукули, Люксембургъ, Марльборугъ, Принцъ Ев-

геній. Эти правила были сообразны съ обстоятельствами, средствами и самою цѣлію войнъ того времени.

Впрочемъ Лойдъ не ограничилъ своей Стратегіи столь тѣсными предѣлами; онъ распространилъ ее выводами изъ другихъ источниковъ. Вѣроятно, войны Фридриха II подали ему мысль для положенія слѣдующихъ важныхъ правилъ: *первое*, если непріятель вступаетъ въ наши предѣлы раздѣленными силами, должно стараться, сосредоточивъ главныя наши силы противъ одной части, разбить ее отдѣльно; — *второе*, что войну всегда должно вести съ наивозможною дѣятельностью, и всѣ движенія производить съ быстротою.

Въ этихъ правилахъ уже ясно обнаруживается образъ дѣйствія Фридриха, и потому они, въ особенности второе, не согласуются съ основными правилами, выведенными Лойдомъ же изъ прежнихъ

войнѣ. Дѣйствительно трудно себѣ представить особенную дѣятельность и быстроту въ военныхъ дѣйствіяхъ, предполагая, что армія не можетъ удалиться далѣе четырехъ переходовъ отъ своего magazina.

Сверхъ всего вышепоказаннаго, Лойдъ вводитъ въ Стратегію разсмотрѣніе нравственныхъ силъ, показываетъ важность вліянія ихъ на судьбу военныхъ дѣйствій, и представляетъ средства возбуждать и увеличивать эти силы. Но, остановившись на этомъ, онъ не объясняетъ соотношенія этихъ мыслей съ прочими частями своего сочиненія, то есть: какое именно вліяніе на стратегическія соображенія должны оказывать различныя степени нравственныхъ силъ войска.

Ни одинъ изъ предшествовавшихъ Лойду Писателей и даже Полководцевъ семнадцатаго и осмнадцатаго столѣтій не обратилъ должнаго вниманія на этотъ

важный предметъ. Причина тому весьма естественна. Арміи, въ періодъ семъ, были подобны машинамъ, движимымъ одною только силою физическою, и въ этомъ-то отношеніи Лойдъ проникъ гораздо далѣе въ сущность предмета и сталъ, можно сказать, выше своего вѣка. Событія конца осмнадцатаго и начала девятнадцатаго столѣтій доказали ясно, сколь справедливы мысли Лойда о важности вліянія нравственныхъ силъ на военныя событія.

И такъ сущность системы Лойда заключается: *первое*, въ правилахъ, извлеченныхъ имъ изъ войнъ не за-долго предъ нимъ происходившихъ; *второе*, въ нѣсколькихъ правилахъ, основанныхъ на дѣйствіяхъ Фридриха, и *третье*, въ исчисленіи нравственныхъ средствъ и вообще тѣхъ предметовъ, которые должны входить въ составъ высшихъ соображеній войны.

Главныя правила Лойда, то есть тѣ, которыя основаны на событіяхъ семъ-

надцатаго столѣтія, показываютъ, сколь односторонна можетъ быть система, выведенная изъ событій одного только какого либо времени, или основанная на одномъ какомъ либо обстоятельстве, имѣющемъ частную важность. Стоитъ лишь измѣнить сіе обстоятельство, и вся система сама собою рушится. Положимъ примѣръ, что наступающій отъ своихъ магазиновъ находится въ меньшей зависимости, чѣмъ Лойдъ считаетъ это необходимымъ: тогда всѣ дѣйствія его сдѣлаются обширнѣе; онъ можетъ двигаться рѣшительнѣе, далѣе и быстрѣе; не обязанъ столько дорожить своими сообщеніями; — словомъ, можетъ для дѣйствій своихъ предположить цѣль гораздо важнѣе покоренія какой либо пограничной крѣпости. Отъ этого и самый образъ войны неминуюмо долженъ уже будетъ вовсе измѣниться.

III. Войны Короля

Фридриха II.

Справедливость мысли, предъ симъ изложенной, доказали походы Фридриха II самымъ убѣдительнымъ образомъ. Мы видимъ, что господствовавшая въ нихъ система войны была отъ прежней совершенно различна. Главныя причины этого переворота были слѣдующія: *первое*, Фридрихъ разными средствами умѣлъ сдѣлать войска свои менѣе зависимыми отъ магазиновъ; *второе*, противники его, располагая въ теченіе семи-лѣтней войны огромными средствами, имѣли уже цѣлю не овладѣніе какою либо областію или крѣпостію, но раздробленіе и униженіе Пруссіи; слѣдственно и вся война, въ сравненіи съ прежними войнами, должна была принять характеръ болѣе рѣшительный; *третье*, Фридрихъ, имѣя Государство не обширное, находясь всегда почти близъ са-

мага центра своихъ владѣній, наконецъ будучи атакованъ съ разныхъ сторонъ войсками нѣсколькихъ Государствъ, не могъ по произволу избѣгать боя и удерживать непріятеля одними дѣйствіями на его сообщенія; но напротивъ того, долженъ былъ искать дѣйствій рѣшительныхъ, ибо тактическія преимущества оставались для него единственнымъ средствомъ къ одержанію успѣха. Сверхъ того къ тактическимъ дѣйствіямъ побуждало Фридриха превосходное устройство его войска, которое въ подвижности и искусствѣ дѣйствовать на полѣ сраженія, далеко превосходило войска его непріятелей.

Такимъ образомъ въ войнахъ Фридриха *сраженія* дѣлались опять предметомъ первенствующей важности, а дѣйствія противъ крѣпостей и на сообщенія, предметами второстепенными. Не смотря на это, дѣйствія на сообщенія сохранили еще весьма значительную важность, и Фри-

дрихъ часто употреблялъ ихъ, но уже не какъ одно изъ главныхъ средствъ войны, но какъ средство вспомогательное, весьма полезное при благоприятныхъ обстоятельствахъ. Онъ достигъ даже, нѣкоторыми подобными дѣйствіями, весьма важныхъ результатовъ, и этимъ преимущественно обязанъ былъ тому, что менѣе непріятеля былъ въ зависимости отъ своихъ магазиновъ.

Войны Фридриха, сдѣлавшись достояніемъ Исторіи, почти для всѣхъ оставались загадкою и о нихъ судили различно. Не многіе, подобно Лойду, умѣли разгадать, что, кромѣ тактическаго превосходства и дѣйствій на сообщенія, существовали еще и другія причины успѣховъ Фридриха, то есть, его геній, быстрота и рѣшимость его дѣйствій, неутомимая дѣятельность и проч.

Большая часть полагала, что единственною причиною успѣховъ войскъ

Прусскихъ было превосходство ихъ въ тактическомъ отношеніи, но и это превосходство искали не въ самой сущности образованія и обученія войскъ, не въ искусствѣ управлять ими въ бою; но въ тогдашнихъ мелочахъ строя и правилъ службы, изъ которыхъ многія были совершенно ничтожны. Повсюду распространилось самое странное подражаніе.

Что касается до тѣхъ, которые искали причины успѣховъ Фридриха въ стратегическихъ его дѣйствіяхъ, то ихъ вниманіе, прежде всего, обратилось на тѣ случаи, гдѣ онъ удачно дѣйствовалъ на сообщенія своихъ противниковъ. Это, разумѣется, было всего рѣшительнѣе, ибо тутъ безъ боя одерживались значительныя преимущества; притомъ подобныя дѣйствія, скорѣе другихъ, могли быть приспособлены къ прежнему образу войны, отъ котораго все еще отставать не хотѣли. — Такимъ образомъ войны Фри-

дриха въ глазахъ подобныхъ критиковъ служили новымъ подтвержденіемъ, что въ войнѣ всего важнѣе дѣйствія на сообщенія.

Сверхъ того многіе обратили вниманіе и на случаи, въ которыхъ Прусскія войска, расположеніемъ на большемъ пространствѣ малыми отрядами, успѣвали останавливать противника гораздо сильнѣйшаго. Не проникнувъ въ сущность этого рода дѣйствій, не разсмотрѣвъ, что Пруссаки тамъ только съ пользою употребляли такое расположеніе, гдѣ съ малыми силами находились въ необходимости удерживать превосходныя силы непріятеля, избѣгая рѣшительныхъ дѣйствій; гдѣ мѣстность способствовала такому расположенію; и гдѣ притомъ самъ непріятель располагался подобнымъ же образомъ: многіе военные писатели, въ этихъ случайныхъ и частныхъ дѣйствіяхъ, усматривали главныя причины успѣховъ Фридриха.

IV. КОРДОННАЯ СИСТЕМА.

Слѣдствіемъ поверхностнаго взгляда современниковъ на стратегическія соображенія Фридриха было появленіе совсѣмъ новой, чисто теоретической системы, называемой кордонною.—Ея изобрѣтателемъ почитается Австрійскій Генераль Ласси.

Эта система имѣла преимущественно цѣлію дѣйствовать на сообщенія непріятеля и обезпечивать свои собственныя.—И дѣйствительно казалось, чѣмъ болѣе войска были растянуты, тѣмъ болѣе представлялось средствъ охватывать фланги непріятеля и угрожать его сообщеніямъ.—Къ этому присоединялась еще другая мысль: посредствомъ такого растянутого расположенія непосредственно прикрывать значительное протяженіе границъ и тѣмъ пользоваться возможно-большимъ числомъ пунктовъ, выгодныхъ въ тактическомъ отношеніи.

Австрійцы приняли кордонную систему и въ первый разъ употребили ее въ войнѣ за Баварское наслѣдство и въ слѣдъ за тѣмъ въ войнѣ противъ Турокъ. Въ походѣ 1788 года вся армія ихъ была растянута на подобіе цѣпи отъ праваго фланга Россійскихъ войскъ, то есть, отъ самой Бессарабіи, до Адриатическаго моря.—Послѣдствіемъ такого расположенія было то, что Турки совокупными силами, напавъ на одинъ пунктъ Австрійской линіи, прорвали ее безъ затрудненія: этимъ принудили Австрійцевъ быстро отступить для сосредоточенія силъ своихъ, и не давъ имъ исполнить сіе исполнить, разбили ихъ въ двухъ сраженіяхъ.

Не смотря на такую явную неудачу, Австрійцы въ первыхъ годахъ революціонной войны продолжали придерживаться кордонной системы, и вовлекли въ нее не только союзниковъ, но и противниковъ своихъ.

Тогда, одна противъ другой, явились линіи войскъ, простиравшіяся отъ Средиземнаго моря до Сѣвернаго. — Это служило явнымъ доказательствомъ, какъ глубоко можетъ укорениться мысль, однажды обще-принятая. — Она долго еще остается въ полной силѣ, хотя бы обстоятельства, ее породившія, совершенно уже измѣнились. — Французскія войска, продолжаясь почти одною только реквизиціею, весьма мало зависѣли отъ магазиновъ, и казалось, не имѣли ни какой причины слишкомъ дорожить своими сообщеніями; но прежнее нравственное вліяніе господствовало, и Французы старались столько же растянуться, сколько и противники ихъ, и подобно имъ, простирали попеченіе о сохраненіи своихъ сообщеній до такой степени осторожности, что, не смотря на огромное протяженіе линій, считали въ опасности центръ свой, когда одинъ изъ фланговъ принуждаемъ былъ къ незначительному отступленію.

V. О системѣ Бюлова.

Дѣйствія, подобныя вышеизложеннымъ, служили еще къ большему подтвержденію прежней мысли: о первенствующей важности сообщеній. Они породили стратегическую систему *Бюлова*, основанную исключительно на сей мысли, но примѣненную уже къ обстоятельствамъ новѣйшаго порядка вещей.

Бывъ свидѣтелемъ событій, опровергавшихъ мнѣніе Лойда, о невозможности удаляться на значительное разстояніе отъ своихъ магазиновъ; видя, что въ новѣйшее время войска стали уже способны къ дѣйствіямъ дальнимъ и рѣшительнымъ: Бюловъ преимущественно старался изыскать средство наилучшимъ образомъ обезпечить операціонныя линіи, сдѣлавшіяся несравненно длиннѣе прежняго.

Это средство думалъ онъ найти въ учрежденіи протяжнаго основанія дѣй-

ствій или базиса, составленнаго изъ ряда пунктовъ, укрѣпленныхъ и снабженныхъ запасами, и въ движеніи отъ этихъ пунктовъ къ предмету дѣйствія нѣсколькими линіями концентрически.

Дѣйствительно, этимъ способомъ пріобрѣталось, вмѣсто одной коммуникаціонной линіи, нѣсколько, и для обороняющагося дѣлалось почти невозможнымъ отрѣзать наступающаго противника въ одно время отъ всѣхъ пунктовъ базиса, пока наступающій находился отъ базиса въ разстояніи, непревышающемъ значительно половины длины его. — И такъ, по системѣ Бюлова, протяженіе операціонной линіи сдѣлалось совершенно зависимымъ отъ протяженія базиса: — чѣмъ онъ былъ длиннѣе, тѣмъ длиннѣе могла быть и операціонная линія. — Взаимное отношеніе этихъ двухъ линій выражалось у Бюлова мѣрою *объективнаго угла*, т. е. угла, образуемаго пересѣченіемъ линій, проведенныхъ

отъ концевъ базиса къ объекту или предмету дѣйствія.

Основывая такимъ образомъ главный правила наступательныхъ дѣйствій на необходимости обезпечить свои сообщенія, Бюловъ, для оборонительной войны, принялъ правило противоположное, т. е. необходимость дѣйствій на сообщенія непріятеля. — Это считаетъ онъ средствомъ наиболѣе дѣйствительнымъ и даже единственнымъ для удержанія непріятеля, превосходнаго въ силахъ. Согласно съ этимъ, Бюловъ почитаетъ вреднымъ, въ оборонительной войнѣ, вступать въ рѣшительное сраженіе, и потому требуетъ, чтобы во всѣхъ случаяхъ обороняющійся избѣгалъ рѣшительнаго боя, посредствомъ отступленія по направленію, наиболѣе удобномъ для дѣйствій на сообщенія противника.

Къ достиженію этой цѣли Бюловъ предлагаетъ два способа: *первое*, отступать раздѣльными силами въ различныя

стороны, съ тѣмъ, что, когда непріятель послѣдуетъ за одною изъ частей армій, то остальными двинутся ему въ тылъ, и отрѣзать его операціонную линію; *второе*, отступать совокупными силами въ одну сторону и занять фланговую позицію, чтобы дѣйствовать изъ нея на операціонную линію непріятеля, ежели бы онъ захотѣлъ двинутся мимо сей позиціи впередъ во внутренность нашего Государства.

Выгоднѣйшимъ базисомъ, какъ въ оборонительной, такъ и въ наступательной войнѣ, Бюловъ почитаетъ тотъ, котораго фланги выдаются впередъ къ непріятелю, потому, что таковой базисъ болѣе другаго способствуетъ дѣйствию съ фланговъ на непріятельскія сообщенія.

Очевидно, что Бюловъ изъ всѣхъ элементовъ Стратегіи на одинъ лишь только обратилъ вниманіе, то есть, на сообщенія. На этомъ основываясь, онъ надѣялся поло-

жить правила годныя для всѣхъ возможныхъ случаевъ; но, занявшись исключительно своей идеею, онъ выпустилъ вовсе изъ виду всѣ другія, не менѣе сообщеній важныя обстоятельства, напримѣръ: мѣстность, нравственную силу войскъ, взаимное отношеніе числа ихъ или матеріальную силу, личныя качества или образъ дѣйствій полководцевъ, политическія обстоятельства и т. д. Отъ этого система Бюлова одностороннѣе всѣхъ системъ и менѣе другихъ способна къ примѣненіямъ на практикѣ, ибо, для дѣйствія по этой системѣ, требуется условіе, которое можетъ встрѣчаться весьма рѣдко. Это условіе есть: всегдашняя возможность избѣгать рѣшительнаго боя, безъ важнаго для себя вреда. Тамъ, гдѣ такое условіе неисполняемо, дѣйствія по правиламъ Бюлова, или сдѣлаются невозможными, или поведутъ къ отдѣльному разбитію и уничтоженію раздробленныхъ частей войска.

Мысли Бюлова не пріобрѣли многихъ поборниковъ и остались одною только теоріею. Въ послѣдствіи хотя и были дѣйствія, которыя во многомъ сходствовали съ его правилами, (какъ на примѣръ въ Испаніи и въ 1812 году въ Россіи), но ихъ породили сами обстоятельства, а не желаніе слѣдовать наставленіямъ Бюлова. Впрочемъ нѣкоторыя изъ его мыслей, какъ въ послѣдствіи увидимъ, были приняты другими сочинителями и послужили новою ступенью для дальнѣйшаго развитія Стратегіи.

VI. О ПЕРВЫХЪ СОЧИНЕНІЯХЪ ГЕНЕРАЛА ЖОМИНИ.

Послѣ Бюлова является въ литературу Стратегіи Генераль Жомини. Описывая и сличая дѣянія двухъ знаменитѣйшихъ Полководцевъ новаго времени Фридриха II и Наполеона, онъ предпола-

жилъ себѣ цѣлю извлечь изъ сихъ дѣяній общія основныя правила Стратегіи.

Генералъ Жюмини началъ разборомъ войнъ Фридриха II. Въ нихъ болѣе всего поразило его, *первое*, что Государь этотъ, будучи гораздо слабѣе непріятеля, всегда успѣвалъ на томъ мѣстѣ, гдѣ предполагалъ дать сраженіе, сосредоточивать силы достаточныя для вступленія въ рѣшительный бой; *второе*, что расположеніе силъ его, въ отношеніи къ силамъ противниковъ, особенно способствовало этому быстрому сосредоточиванію.

Принужденный сопротивляться нападенію съ разныхъ сторонъ, Фридрихъ II находился какъ-бы внутри круга, котораго окружность занимали его противники, а потому онъ могъ удобнѣе послѣднихъ переводить войска съ одного пункта на другой, и быстро сосредоточивать ихъ тамъ, гдѣ встрѣчалась надобность. Это обстоятельство подало Генералу Жюмини,

первую мысль о *выгодѣ внутреннихъ линій*, и эта мысль показалась ему однимъ изъ главнѣйшихъ основныхъ правилъ всѣхъ дѣйствій Фридриха.

Потомъ разсматривая первыя дѣйствія Наполеона, Генераль Жомини нашель, что отличительною чертою ихъ было постоянное стремленіе предупреждать непріятеля въ наступательномъ движеніи, всегдашнее совокупное дѣйствіе главныхъ силъ и быстрое направленіе ихъ на рѣшительные пункты театра войны, съ цѣлю, однимъ сраженіемъ ее окончить, или по крайней мѣрѣ достигнуть весьма важныхъ результатовъ.

Такимъ образомъ составилось два рода правилъ, которые казались не совсѣмъ между собою согласными. Система внутреннихъ линій требовала раздѣленія войскъ на части, а походы Наполеона доказывали очевидно пользу дѣйствія совокупными силами. Генераль Жомини воз-

намѣрился слить оба эти рода правилъ, а отъ взаимнаго ихъ совокупленія произошелъ слѣдующій выводъ: «стремиться всегда совокупностію силъ на рѣшительные пункты театра войны; а тамъ, гдѣ тому препятствуетъ свойство театра войны, или гдѣ непріятель, дѣйствуя самъ двойною или тройною операціонною линією, принуждаетъ и насъ къ подобному же раздѣленію, тамъ всегда предпочитать внутреннія линіи наружнымъ, чтобъ быть въ состояніи сосредоточивать силы свои скорѣе непріятеля на томъ пунктѣ, гдѣ въ стратегическомъ отношеніи признано будетъ за выгоднѣйшее дать сраженіе.»

Но чтобъ эти правила сдѣлать опредѣлительнѣе и яснѣе, надобно было еще показать, какіе именно пункты театра войны суть рѣшительнѣйшіе, или гдѣ именно въ стратегическомъ отношеніи выгоднѣе дать сраженіе.

Это также выведено Генераломъ Жомини изъ военныхъ дѣйствій Фридриха и Наполеона, слѣдующимъ образомъ:

1) Опредѣленіе выгоднѣйшаго пункта для направленія на него рѣшительныхъ дѣйствій зависитъ отъ расположенія непріятельскихъ силъ *.

2) Противъ непріятеля, имѣющаго фронтъ дѣйствія слишкомъ растянутый, или дѣйствующаго не одною, а нѣсколькими операціонными линіями, должно направлять главные силы свои на средніе или центральные пункты; ибо, по разбитіи на нихъ противника, войска обоихъ его фланговъ будутъ раздѣлены и вынуждены къ бѣдственнымъ отступленіямъ въ противоположныя стороны.

* Пунктамъ такимъ, опредѣленнымъ по расположенію непріятельскихъ силъ, Генерала Жомини далъ въ послѣдствіи названіе маневрныхъ стратегическихъ пунктовъ.

3) Противъ непріятеля, имѣющаго свои силы совокупленными, выгоднѣе устремляться на одинъ изъ фланговъ фронта его дѣйствія, а именно на тотъ, отъ котораго скорѣе и удобнѣе можно достигать его сообщеній съ основаніемъ дѣйствій, или отъ котораго скорѣе и удобнѣе можно прижать его къ какой либо непреодолимой преградѣ, какъ напримѣръ: къ морю, къ большой рѣкѣ безъ моста, или къ границамъ сильной нейтральной державы.

Таковы главныя правила, извлеченныя Генераломъ Жюмини изъ дѣйствій двухъ искуснѣйшихъ Полководцевъ новѣйшаго времени. Способъ извлеченія этихъ правилъ, есть наилучшій и сообразнѣйшій съ цѣлію; ибо сочинитель основываетъ свои выводы, не на отдѣльныхъ какихъ-либо фактахъ, имъ самимъ произвольно избранныхъ, но на чистомъ и безпристрастномъ обзорѣ всѣхъ походовъ

новѣйшаго времени. Притомъ онъ не составляетъ ни одного правила умозрительно, но все безъ исключенія извлекаетъ практически изъ событій, или, лучше сказать, наведя читателя на правила, заставляетъ его самого непримѣтнымъ образомъ извлекать ихъ изъ хода военныхъ дѣйствій.

Сочиненія Генерала Жомини весьма естественно должны были произвести важное вліяніе и даже переворотъ въ образѣ мыслей военныхъ людей. Въ сочиненіяхъ его отразился ясно отличительный характеръ войнъ новѣйшихъ, то есть: постоянное и рѣшительное стремленіе къ цѣли войны, средствами также самыми рѣшительными, а именно: *сраженіями*. Такимъ образомъ сраженія не только стали опять на потерянную ими, со временъ древнихъ, степень первенствующей важности, но сдѣлались уже главною, исключительною основою всей Стратегіи. — Сія

основа должна была показаться всѣмъ несравненно лучшею, нежели основа сочинителей предшествовавшихъ; ибо судьба почти всякой войны несравненно чаще рѣшается сраженіями, чѣмъ дѣйствіями на сообщенія или другими стратегическими средствами, которыя можно, въ большей части случаевъ, назвать второстепенными и которыя рѣдко ведутъ къ результатамъ рѣшительнымъ.

Столь важныя достоинства сочиненій Генерала Жомини были причиною быстрого распространенія ихъ по всей Европѣ; и дѣйствительно, ни одно сочиненіе не было изучаемо повсюду съ такою жадностію, ни одно не послужило столько къ распространенію полезныхъ познаній о военныхъ дѣйствіяхъ, — ни одно столько не способствовало искорененію многихъ вредныхъ предразсудковъ, происшедшихъ отъ прежняго образа войны и прежнихъ сочиненій. — Если мы ви-

димъ, что въ послѣднемъ десятилѣтіи революціонныхъ войнъ большая часть Полководцевъ, дѣйствовавшихъ противъ Наполеона, начали уже избѣгать излишняго разсѣянія силъ, что кордонная система вовсе исчезла, что обязанность охраненія сообщеній перестала уже считаться во всѣхъ случаяхъ важнѣе обязанности сосредоточенія силъ для боя и т. п.;—то это произошло конечно частію отъ самой опытности, но частію и отъ значительнаго вліянія сочиненій Генерала Жюмини.

Отдавъ такимъ образомъ знаменитымъ твореніямъ его должную справедливость, не лзя не замѣтить также, что въ нихъ обращено вниманіе на одинъ только матеріальный элементъ, т. е. на искусство устремлять многочисленную, по возможности, силу войскъ на тѣ пункты, гдѣ предполагается рѣшить боемъ жребій войны или непріятельской арміи.

Чрезъ это не только стѣсняется чрезмѣрно объемъ Стратегіи, но возникаетъ еще вопросъ: могутъ ли правила, выведенныя изъ одного только, хотя и важнѣйшаго элемента Стратегіи, быть всеобщими и безусловными? Не придется ли иногда, по необходимости, принимать въ особенное соображеніе и другіе стратегическіе элементы, и не заставить ли это по временамъ уклоняться отъ вышепомянутыхъ общихъ правилъ? Сверхъ того, не можетъ ли въ войнѣ случайно встрѣтиться такое обстоятельство, гдѣ одинъ какой нибудь элементъ, (какъ наприкладъ: средства снабженія войскъ запасами военными и съѣстными,) пріобрѣтетъ важность первенствующую и тѣмъ представить болѣе выгодъ дѣйствовать по правиламъ, основаннымъ на этомъ элементѣ, нежели по правиламъ, основаннымъ на силѣ матеріальной?

Для разрѣшенія сего вопроса, разберемъ отдѣльно дѣйствія Фридриха и Наполеона, и постараемся найти побудительныя причины ихъ, дабы увѣриться, *первое*, были ли помянутыя дѣйствія исполненіемъ коренныхъ, заранѣе предначертанныхъ, безусловныхъ правилъ Стратегіи, или необходимымъ слѣдствіемъ обстоятельствъ, посреди которыхъ эти Полководцы дѣйствовали? *второе*, съ перемѣною обстоятельствъ, не перемѣнили ли бы эти Полководцы и механизма своихъ дѣйствій?

Въ тѣхъ походахъ, гдѣ Фридрихъ II дѣйствовалъ внутренними линіями, такое расположеніе бѣльшею частію было слѣдствіемъ не произвола, но концентрическаго направленія непріятельскихъ силъ. Конечно были и такіе случаи, въ коихъ Фридрихъ безъ необходимости и по собственному произволу предпочелъ внутреннія линіи наружнымъ; но къ сему вѣро-

ятно побудили его важныя причины. — Постараемся изыскать ихъ.

Войска его имѣли надъ непріятельскими великое преимущество, какъ образованіемъ своимъ, такъ и способностію производить искуснѣйшіе тактическіе маневры; притомъ же самъ Фридрихъ былъ превосходный тактикъ. Все это заставило его не только искать сраженій, но и считать ихъ надежнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ къ полученію рѣшительныхъ выгодъ надъ непріателемъ.

Театръ военныхъ дѣйствій былъ не обширенъ; непріатель, наступавшій изъ Саксоніи, Лузаціи или отъ Вислы, могъ въ нѣсколько переходовъ достигать центра Прусскихъ владѣній, и тѣмъ наносить Фридриху рѣшительные удары. Противодѣйствовать въ семъ случаѣ непріателю дальними отступленіями, движеніями на сообщенія или другими подобными стратегическими средствами, тре-

бующими значительнаго мѣстнаго пространства или продолжительнаго времени, чтобы причинить важный непріятелю вредъ, было для него отчасти невозможно, а отчасти и не обѣщало большой пользы. Слѣдовательно, въ подобныхъ обстоятельствахъ, ему, по необходимости, надлежало употреблять средства самыя рѣшительныя и быстро ведущія къ цѣли, т. е. опрокидывать или удерживать нѣскольکو армій, близкихъ къ центру Государства. Средства эти не могли быть иныя, какъ сраженія.

И такъ мы видимъ, что для Фридриха сраженія были не только надежнѣйшимъ, но бѣльшею частію и единственнымъ средствомъ для успѣшнаго противудѣйствія непріятелю; а гдѣ существуетъ такое условіе, уже есть и побудительная причина предпочестъ расположеніе, способствующее скорѣйшему сосредоточенію матеріальной силы, то есть, предпочестъ внутреннія линіи наружнымъ.

Но къ этой причинѣ можно присовокупить еще и другую, не менѣе важную, а именно: образъ дѣйствій противниковъ Фридриха. *Во-первыхъ*, большая часть Полководцевъ, дѣйствовавшихъ противъ него, не умѣли уклоняться отъ сраженія, или не постигали выгоды избѣгать боя въ то время, когда Фридрихъ направлялся на нихъ съ сосредоточенными силами, или когда онъ въ боѣ поставлялъ единственную свою надежду. *Во-вторыхъ*, у нихъ не было единства въ дѣйствіяхъ, потому, что каждая ихъ армія имѣла особеннаго независимаго отъ другихъ Главнокомандующаго. *Въ-третьихъ*, затруднительный способъ продовольствованія войскъ и излишняя боязнь за свои сообщенія дѣлали движенія ихъ весьма медленными и осторожными, даже и тогда, когда арміи имѣли противъ себя самыя ничтожныя силы. Фридрихъ, устремляясь съ сосредоточенными силами на одну

изъ непріятельскихъ армій, почти могъ быть увѣренъ, что безъ потери времени вступить въ рѣшительное сраженіе, и что послѣ сраженія успѣетъ даже встрѣтить и другую непріятельскую армію, прежде чѣмъ она пріобрѣтетъ значительныя выгоды.

Весьма естественно, что при всѣхъ столь благопріятствующихъ внутреннимъ линіямъ обстоятельствахъ, Фридриху было выгодно располагаться подобными линіями, и что онъ слѣдственно дѣйствовалъ искусно, принимая иногда расположеніе это, независимо отъ концентрическаго направленія непріятельскихъ армій.

Теперь остается только разсмотрѣть, не дѣйствовалъ ли бы Фридрихъ II иначе, еслибъ измѣнилось одно или нѣсколько изъ обстоятельствъ, служившихъ побудительными причинами его дѣйствій.

Предположимъ напримѣръ, что войска его, по составу и образованію, были бы

гораздо ниже войскъ противниковъ, или, что численная ихъ сила была бы доведена до такой незначительности, что и сосредоточеніемъ не могла доставлять побѣды, или предположимъ вообще, что какія бы то ни были обстоятельства сдѣлали для Фридриха вступленіе въ рѣшительной бой невыгоднымъ.

Тогда прекратилась бы и главная причина къ расположенію внутренними линіями: ибо къ чему предпочитать такое расположеніе, коего единственная выгода состоитъ въ скорѣйшемъ сосредоточеніи силъ для боя, коль скоро обстоятельства повелѣваютъ избѣгать боя? Дѣйствія самаго Фридриха служатъ лучшимъ тому доказательствомъ. Послѣ пораженія при Гохкирхѣ, силы его были весьма слабы; притомъ приближалась зима, въ продолженіи которой онъ могъ надѣяться укомплектовать армію. Отваживаться въ сихъ обстоятельствахъ на вторичное сраженіе,

значило бы подвергать себя большой опасности; ибо съ потерей сраженія, онъ могъ потерять и средства къ возстановленію силъ. Австрійцы частію своихъ войскъ осаждали крѣпость Нейсъ, по занятіи коей могли надѣяться зимовать въ югозападной Силезіи, и тѣмъ лишить Фридриха вспомогательныхъ способовъ, этою провинціею доставляемыхъ. Въ такихъ обстоятельствахъ ничего лучшаго для Фридриха не оставалось, какъ, избѣгая рѣшительнаго сраженія, освободить Нейсъ. Для приведенія этого въ дѣйствіе, онъ оставилъ около Дрездена часть своей арміи, а съ остальною, обошедши правый флангъ непріятеля, устремился быстро къ Нейсу, дабы, угрожая осадному корпусу нападеніемъ, принудить его къ снятію осады. Движеніе сіе, увѣнчавшееся полнымъ успѣхомъ и принудившее Австрійцевъ къ отступленію въ собственное ихъ Государство для зимованія, было экстен-

трическое, вело войска Фридриха къ наружнымъ линіямъ и предоставляло Австрійцамъ внутреннее расположеніе между Нейсомъ и Дрезденомъ.

Приведемъ еще другой примѣръ. Послѣ Кунерсдорфскаго сраженія числительныя силы Фридриха были столь малы, что если бы онъ даже и соединилъ ихъ вмѣстѣ, то и тогда не могъ бы ожидать успѣха въ рѣшительномъ бою противъ двухъ многочисленныхъ армій Дауна и Салтыкова; притомъ же, пораженіе при Кунерсдорфѣ лишило его значительной части артиллеріи, поколебало нравственныя силы войскъ, и поставило его въ необходимость уклоняться на время отъ боя, стараясь какими нибудь иными средствами поправить положеніе свое. Средство, употребленное съ этою цѣлію, состояло въ движеніи арміи Принца Генриха чрезъ Герлицъ на сообщенія и магазины Дауна, то есть, въ движеніи эксцентрическомъ,

которое удаляло Принца Генриха отъ Фридриха и которое было во всемъ противуположно правиламъ внутреннихъ линій. Движеніе сіе также увѣнчалось самымъ блестящимъ успѣхомъ, заставило Дауна отступать и тѣмъ вывело Фридриха изъ такого опаснаго положенія, въ какомъ онъ едва ли когда нибудь находился. Здѣсь можно возразить: *что отступление Дауна небыло слѣдствіемъ необходимости, но слѣдствіемъ излишней осторожности и излишней боязни потерять свои магазины*; на такое возраженіе легко отвѣчать мыслию Наполеона: «что верхъ военнаго искусства (*le sublime de l'art*) заключается въ тѣхъ изворотахъ, кои основаны на знаніи характера и образа дѣйствій Полковѣдца непріятельской арміи и въ безошибочномъ предугадываніи мѣръ, кои онъ приметъ».

Допустимъ теперь другое измѣненіе въ обстоятельствахъ, служившихъ побу-

дительными причинами дѣйствій Фридриха. Если бы, напримѣръ, его владѣнія были несравненно обширнѣе, то для достиженія главной цѣли войны, непріятель долженъ бы уже былъ употребить болѣе времени, и простираť свои операціонныя линіи гораздо далѣе; а отъ того, дѣйствія на его сообщенія сдѣлались бы предметомъ гораздо важнѣйшимъ, даже, смотря по обстоятельствамъ, могли бы иногда обратиться въ рѣшительныя и самыя вѣрныя средства къ его преодоленію. Можно ли ожидать, чтобы при стеченіи такихъ обстоятельствъ, Фридрихъ предпочелъ всегда сомнительный жребій сраженія другимъ способамъ наносить вредъ непріятелю? Не вѣроятнѣе ли, что этотъ Полководецъ, будучи числительно гораздо слабѣе противниковъ, старался бы пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ вредить непріятелю избѣжаніемъ боя, отступленіемъ или дѣйствіями на сообщенія?

Дѣйствительность подобныхъ средствъ была ему очень извѣстна; онъ испыталъ ее надъ самимъ собою во второй Силезской войнѣ, когда Графъ Траунъ и Принцъ Лотарингскій одними этими средствами принудили его оставить Богемію съ большимъ урономъ. Коль же скоро мы допустимъ, что для Фридриха могло иногда быть выгоднѣе искать успѣха въ избѣжаніи боя и въ дѣйствіяхъ на сообщенія, то должны будемъ и согласиться, что внутреннія линіи не всегда полезны; ибо дѣйствія на сообщенія, ведутъ естественно къ внѣшнимъ линіямъ и даже бѣльшею частію требуютъ ихъ необходимо.

Прибавимъ еще третье измѣненіе въ обстоятельствахъ: положимъ, на примѣръ, что противники Фридриха способны къ быстрымъ и дальнимъ движеніямъ; что они умѣютъ своевременно отступать, избѣгая боя, или наступать быстро и рѣшительно. Тогда бы та часть, на которую

Фридрихъ устремлялся главными силами, могла, отступая, отвлечь его отъ пунктовъ, служившихъ ему опорой дѣйствій, и между тѣмъ, прочія части непріятельскихъ войскъ, дѣйствовавшія по другимъ линіямъ, могли бы, опрокидывая и даже истребляя слабыя силы, противъ нихъ оставленныя, устремиться рѣшительно на помянутые пункты опоры, или даже и въ тылъ главной арміи Фридриха, и тѣмъ довести его до послѣдней крайности. Не очевидно ли, что въ этомъ случаѣ успѣхъ зависѣлъ бы уже преимущественно: отъ умѣнія избѣгать боя тамъ, гдѣ непріятель сильнѣе, и принуждать къ рѣшительному сраженію тамъ, гдѣ онъ слабѣе,—словомъ сказать, успѣхъ зависѣлъ бы не столько отъ направленія операціонныхъ линій, сколько отъ искусства Полководцевъ, отъ средствъ производить отступление безъ важнаго для себя вреда, отъ свойствъ мѣстности, отъ обширности театра войны и

тому подобнаго. Для объясненія и подтвержденія сказаннаго, приведемъ два примѣра:

Когда Фридрихъ устремился противъ Субиза, оставивъ въ Лузации для замедленія и удержанія арміи Дауна, часть силъ подъ начальствомъ Герцога Бевернскаго, тогда онъ, начальнымъ уклоненіемъ Субиза отъ сраженія, былъ поставляемъ въ самое опасное положеніе. Слѣдовать за отступленіемъ Субиза, ему было нельзя, потому, что движеніе это удалило бы его значительно отъ Берлина и арміи Герцога Бевернскаго; а возвратиться къ послѣдней, значило бы открыть Субизу дорогу въ Берлинъ. Король былъ принужденъ остановиться и стоять въ бездѣйствіи болѣе шести недѣль, ежедневно опасаясь получить извѣстіе о разбитіи Герцога Бевернскаго несравненно превосходными силами Дауна, и о движеніи арміи послѣдняго въ Берлинъ, или къ Эльбѣ въ тылъ

Фридриха. Если бы въ сихъ обстоятельствахъ Субизъ продолжалъ уклоняться отъ боя и не отважился на сраженіе Росбахское,—если бы притомъ, Даунъ дѣйствовалъ хоть нѣсколько быстрѣе и рѣшительнѣе: то вскорѣ положеніе Короля, неминуемо, сдѣлалось бы не только весьма опаснымъ, но даже почти безнадежнымъ.

Въ 1813 году, послѣ перемирія, войска Французскія были расположены во внутреннихъ линіяхъ, и Наполеонъ, пользуясь этимъ, устремлялся главными силами два раза на отдѣльную армію Блюхера. Сей послѣдній умѣлъ оба раза съ искусствомъ уклониться отъ боя; Французскіе же Маршалы: Удино, Макдональдъ и Ней, напротивъ того, вступили въ сраженіе тогда, когда имъ слѣдовало избѣгать боя, т. е. когда Наполеонъ съ главными силами былъ отъ нихъ отдаленъ и когда они имѣли передъ собою превосходнаго непріятеля. Слѣдствіемъ этого было

разбитіе Французскихъ отдѣльныхъ Корпусовъ при Гросъ-Беренѣ, Кацбахѣ и Денневицѣ. Наконецъ, когда Наполеонъ въ третій разъ устремился противъ Блюхера, оставивъ Мюрата съ пятьюдесятью тысячами противъ арміи Богемской, сія послѣдняя, опрокинувъ Мюрата, направилась рѣшительно къ Лейпцигу—(пункту, находившемуся въ тылу Французовъ на единственномъ ихъ сообщеніи съ Франціею),—и тѣмъ принудила Наполеона къ отступленію въ сей городъ и къ очищенію бѣльшей части Саксоніи. Такимъ образомъ здѣсь всѣ выгоды оказались на сторонѣ дѣйствовавшихъ наружными линиями. Онѣ могли бы быть на сторонѣ Наполеона въ такомъ только случаѣ, когда бы Блюхеръ далъ себя разбить отдѣльно, а Удино, Ней и Макдональдъ избѣжали бы всякаго рѣшительнаго боя; но это значило бы предположить у однихъ только Французовъ умѣніе или возмож-

ность уклоняться отъ боя. Такое предположеніе, независящее вовсе отъ направленія операціонныхъ линій, принять нельзя; ибо въ обоихъ противникахъ должно предполагать равное знаніе и обстоятельства подобныя. Генераль Жomini, желая доказать, что неудача дѣйствій Наполеона внутренними линіями въ 1813 году ни сколько не опровергаетъ общепольности сихъ линій, и что она произошла единственно отъ частныхъ, постороннихъ причинъ, говоритъ между прочимъ, слѣдующее: 1) *«что главнѣйшими причинами неудачи были вышепомянутыя ошибки Французскихъ Маршаловъ.»* Несогласиться на это нельзя; но предполагая въ сихъ Маршалахъ умѣніе избѣгать боя, должно по всей справедливости предположить тоже и въ союзникахъ, а въ такомъ случаѣ опять невиднo, какое преимущество имѣлъ бы Наполеонъ отъ сосредоточенія своихъ силъ

противъ Блюхера, или противъ какой нибудь изъ другихъ непріятельскихъ армій; 2) *«что географическое положеніе границъ Богеміи, доставило противникамъ удобство дѣйствовать изъ сей провинціи на сообщенія и въ тылъ Французамъ.»* Это также справедливо; но обстоятельство сіе не было случайное, или свойственное одной сей кампаніи, ибо наружныя линіи всегда почти доставляютъ подобную выгоду, по существу своему охватывая непріятельское расположеніе съ одной и даже съ двухъ сторонъ, на примѣръ: въ подобномъ же выгодномъ положеніи находилась, во время семи-лѣтней войны, армія Россійская, овладѣвъ Вислою, и даже Субизъ, когда онъ дошелъ до Лейпцига, и въ 1812 году Генералы Графъ Витгенштейнъ и Чичаговъ.

И такъ, кажется, мы доказали, что польза внутреннихъ линій не есть безусловная; что онъ бѣльшею частію выгод-

ны только тому, кто ищетъ рѣшительнаго боя или принужденъ, по необходимости, искать въ немъ единственнаго своего спасенія; и что даже въ этихъ случаяхъ, для возможности извлекать надлежащую пользу изъ внутренняго расположенія, требуются еще другія совсѣмъ постороннія условія, а именно: *во-первыхъ*, чтобъ мѣстность или нерѣшительность непріятельскихъ Полководцевъ, или наконецъ какія либо другія обстоятельства дозволили намъ на тѣхъ пунктахъ, на коихъ имѣемъ слабыя силы, удерживать непріятеля безъ вступленія въ рѣшительной бой, и *во-вторыхъ*, чтобы на томъ пунктѣ, гдѣ мы сосредоточили главныя силы свои, противникъ, по свойству мѣстности или по составу его армій или по расположенію вблизи тыла крайне важнаго географическаго пункта, или по какимъ бы то нибыло обстоятельствамъ, — лишенъ былъ всѣхъ

способовъ избѣжать боя. Очевидно, что при такихъ условіяхъ, въ способности избѣгать боя заключается чрезвычайная важность, и что вся выгода внутреннихъ линій основана, такъ сказать, на предположеніи, что противникъ, способности этой не имѣетъ. Потому-то мы и видимъ, что во всѣхъ войнахъ, гдѣ по обстоятельствамъ для одной стороны вступать въ рѣшительное сраженіе было опасно, и гдѣ притомъ ей давалась возможность уклоняться отъ боя безъ важнаго для себя вреда, наружныя линіи оказывались всегда почти полезнѣе внутреннихъ: по причинѣ бѣльшей ихъ удобности для дѣйствія на непріятельскія сообщенія. Такъ въ новѣйшее время дѣйствовали Испанцы съ 1807 до 1814 года; Россіяне въ 1812 году; Фридрихъ, послѣ сраженія Кунерсдорфскаго. И въ 1813 году, послѣ перемирія, значительное превосходство союзниковъ въ конницѣ, доставлявшее

передъ противниками болѣе средствъ къ уклоненію отъ боя, было одною изъ важнѣйшихъ причинъ успѣха въ дѣйствіяхъ наружными линіями. Но самый убѣдительный сему примѣръ представляютъ намъ древнія.

Во второй Пунической войнѣ, не только Римляне, но и Карфагеняне окапывали ежедневно свой лагерь. Для устройства этихъ окоповъ требовалось не болѣе двухъ часовъ времени; атаковать же армію въ укрѣпленномъ лагерьѣ, значило тогда тоже самое, что нынѣ брать приступомъ сильную крѣпость. Начиная движеніе двумя часами ранѣе непріятеля, или употребляя для марша ночь, или совершая переходы по такимъ направленіямъ, гдѣ нѣтъ опасенія сойтись съ непріателемъ, легко было переходить изъ одного укрѣпленнаго лагеря въ другой, не подвергаясь необходимости вступать въ сраженіе противъ воли, какъ сіе и доказаль

Фабій-Максимъ, двигавшійся въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ все вблизи Аннибала, который однако же, при всемъ своемъ стараніи, немогъ принудить его къ сраженію. Гдѣ существуютъ подобныя обстоятельства, тамъ вся выгода внутреннихъ линій исчезаетъ, потому, что сосредоточеніе силъ не можетъ вести ни къ какому результату. Можно сказать утвердительно, что въ подобныхъ обстоятельствахъ, наружныя линіи очевидно полезнѣе внутреннихъ, потому, что, подвергая ни сколько опасности отдѣльнаго разбитія, представляютъ выгоду охватывать непріятеля съ разныхъ сторонъ, и тѣмъ стѣснять постепенно кругъ его дѣйствій. Сія выгода не ускользнула отъ проницательности Римлянъ. Когда они, послѣ многократныхъ пораженій, убѣдились, что имъ необходимо избѣгать противъ Аннибала рѣшительнаго сраженія; то приняли систему дѣйствовать противъ него

наружными линіями: для сего, они окружали тремя, а иногда четырьмя арміями пространство, занятое его войсками, и двигались впередъ постепенно изъ лагеря въ лагерь, избѣгая всякаго рѣшительнаго боя и имѣя единою цѣлю стѣснять ежедневно болѣе и болѣе театръ дѣйствій непріятеля, и тѣмъ самымъ уменьшать средства его къ продовольствію и укомплектованію арміи. Слѣдуя постоянно сей системѣ, въ теченіи послѣднихъ шести лѣтъ второй Пунической войны, Римляне не только сдѣлали тщетными, всѣ покушенія Аннибала, принудить одну изъ отдѣльных ихъ армій къ бою съ сосредоточенными главными его силами; но даже стѣснили его наконецъ и заключили въ столь узкое пространство, что положеніе Аннибала передъ отплытіемъ въ Африку сдѣлалось весьма затруднительнымъ *.

* Генераль Жомини, желая доказать, что вгнутреннія линіи у древнихъ были также выгоднѣе наружныхъ, приводитъ тому одинъ примѣръ изъ

Перейдемъ теперь къ правиламъ извлеченнымъ изъ дѣйствій Наполеона.

Сей Полководецъ во всѣхъ войнахъ до 1813 года, имѣлъ въ виду завоеваніе столицъ и цѣлыхъ Государствъ; цѣлю

второй же Пунической войны. Разсмотримъ въ подробности примѣръ сей: Аннибалъ стоялъ въ Апуліи, фронтомъ къ Сѣверу, имѣя противъ себя Консула Нерона,—между тѣмъ, какъ отъ Альповъ на помощь къ нему шель братъ его Аздрубаль. Для противудѣйствованія послѣднему, Римляне отправили еще другую армію, и такъ естественнымъ образомъ находились во внутреннихъ линіяхъ. Неронъ, оставивъ часть своихъ войскъ противъ Аннибала, съ остальными присоединился поспѣшно къ другой Римской арміи, съ цѣлю встрѣтить Аздрубала превосходными силами. Послѣдній имѣлъ сначала намѣреніе оружіемъ открыть себѣ дорогу къ брату; но узнавъ о прибытіи Нерона, весьма благоразумно измѣнилъ планъ свой, рѣшившись подобно Фабію-Максиму избѣгать всякаго рѣшительнаго боя, и, переходя изъ лагеря въ лагерь, приближаться постепенно къ своему брату. Исполненіе таковаго плана, нетрудное при тогдашнихъ обстоятельствахъ, сдѣлало бы несбыточной выгоду, ожидаемую отъ движенія Нерона; но случайное обстоятельство измѣнило все дѣло. Аздрубаль двинувшись ночью, чтобъ пройти мимо Римлянъ, имѣлъ при себѣ двухъ толь-

его небыло достиженіе какихъ либо болѣе или менѣе важныхъ выгодъ, но совершенное лишеніе противника всѣхъ средствъ къ продолженію войны, а таковая цѣль необходимо требовала и дѣйствій самыхъ

ко проводниковъ, силою взятыхъ изъ враждебнаго народа; одинъ изъ нихъ убѣжалъ при началѣ движенія, другой же, подведя войско къ рѣкѣ, успѣлъ въ нее броситься и переплыть къ Римскому лагерю. Карфагеняне, оставшись безъ проводниковъ и незная дороги, должны были идти наудачу; они вошли въ узкую тѣснину между горами и окруженные неприступными скалами, должны были повернуть назадъ, но Римляне успѣли уже занять выходъ изъ тѣсины и тѣмъ принудили ихъ къ рѣшительному бою. Такой примѣръ удачнаго употребленія Римлянами внутреннихъ линій, есть можетъ быть единственной въ Военной Исторіи сего народа, и вся удача его была очевидно слѣдствіемъ обстоятельствъ совершенно случайныхъ; и потому примѣръ сей можетъ развѣ только служить доказательствомъ, что и у древнихъ внутреннія линіи могли иногда быть полезны, но отнюдь не свидѣтельствуетъ, чтобы сіи линіи были всегда выгоднѣе наружныхъ, которыя, какъ мы видѣли, употреблялись въ сей же самой войнѣ не одинъ разъ, но шесть лѣтъ сряду съ постояннымъ и независимымъ отъ случайности успѣхомъ.

рѣшительныхъ. Притомъ же онъ имѣлъ и перевѣсъ въ тактическомъ отношеніи, происходившій какъ отъ собственнаго его искусства, такъ и отъ моральной силы войскъ его, бывшей плодомъ многихъ побѣдъ и удачныхъ дѣйствій.

При такой цѣли и такихъ средствахъ весьма естественно, что Наполеонъ долженъ былъ искать сраженій и для того держать всегда главную часть своихъ силъ въ совокупности; естественно также, что онъ долженъ былъ не только желать отъ cadaго сраженія самыхъ рѣшительныхъ результатовъ, но и стараться привести противника въ невозможность уклониться отъ боя. Выполнить это удобнѣе всего было направленіемъ дѣйствій, мимо непріятельской арміи, прямо къ линіи ея отступленія или, говоря другими словами, устремленіемъ главныхъ силъ къ выгоднѣйшему маневрному стратегическому пункту.

Подобный образъ дѣйствія почти всегда выгоденъ тамъ, гдѣ обстоятельства и средства позволяютъ или даже требуютъ самыхъ рѣшительныхъ мѣръ. Но здѣсь дѣло не въ томъ, чтобъ рѣшить: полезны ли эти правила въ частныхъ случаяхъ; но въ томъ именно, могутъ ли они быть приняты за общія, безусловныя для всѣхъ случаевъ и для всѣхъ родовъ войнъ, и могутъ ли они служить руководствомъ равно полезнымъ, какъ для обороняющагося, такъ и для наступающаго?

Ведущій войну *оборонительную* обыкновенно бываетъ гораздо слабѣе наступающаго, и потому часто имѣетъ надобность избѣгать рѣшительныхъ дѣйствій въ началѣ войны, дабы выиграть время, собрать и соединить новыя силы, и ослабить непріятеля малою войною или другими средствами. Требовать, чтобы онъ въ сихъ обстоятельствахъ дѣйствовалъ по вышепомянутымъ правиламъ, и искалъ тотчасъ

рѣшительнаго сраженія, безъ малѣйшей почти надежды на побѣду, значило бы вести его бѣльшею частію къ вѣрной гибели. Это столь ясно, что считаемъ излишнимъ приводить дальнѣйшія доказательства, а потому мы перейдемъ къ изысканію: всегда ли возможно и всегда ли полезно для дѣйствующаго *наступательно*, направляться сосредоточенными силами быстро къ рѣшительнѣйшимъ пунктамъ театра войны?

Рѣшительный стратегическій пунктъ, смотря по обстоятельствамъ войны, можетъ быть въ бѣльшемъ или меньшемъ отъ насъ удаленіи; достиженіе онаго въ одномъ случаѣ можетъ представлять несравненно бѣльшія затрудненія, чѣмъ въ другомъ; иногда можетъ требовать оставленія позади себя весьма значительныхъ силъ для охраненія нашихъ сообщеній, для наблюденія за непріятельскими крѣпостями и т. п., а иногда можетъ и не-

требовать сего. Очевидно, что возможность направлѣться прямо къ нему, не зависитъ отъ одной нашей воли, но преимущественно отъ соображенія средствъ нашихъ со средствами непріятеля и со всѣми упомянутыми обстоятельствами: ибо, принимая подобныя рѣшительныя дѣйствія, должно прежде всего удостовѣриться, будутъ ли силы наши, по достиженію избраннаго нами пункта, довольно достаточны, чтобы мы могли имѣть надежду побѣдить.

Такимъ образомъ прямое устремленіе къ пункту, признанному за рѣшительный, будучи возможно и полезно при большомъ перевѣсѣ въ силахъ, или при благопріятствующихъ обстоятельствахъ, можетъ быть опаснымъ и даже дерзкимъ при меньшихъ силахъ и при другихъ обстоятельствахъ.

Дѣйствія Наполеона отличаются не тѣмъ только однимъ, что онъ умѣлъ угадывать рѣшительныя пункты театра вой-

ны и преимущественно на оныя направлялся, но въ особенности тѣмъ, что всѣ подобныя его дѣйствія были соображаемы съ его средствами и обстоятельствами. Для примѣра приведемъ изъ нихъ нѣкоторыя. Когда онъ въ 1800 году устремился чрезъ Сенъ-Бернардъ къ Маренго на сообщенія Меласа съ Австріею, тогда имѣлъ уже въ своей власти Швейцарію и всѣ проходы, ведущіе оттуда въ Италію; слѣдственно въ случаѣ пораженія имѣлъ обезпеченное отступленіе чрезъ Сенъ-Готардъ или чрезъ Симплонъ (Simplon). Но если бы Швейцарія и помянутые проходы были тогда въ рукахъ непріятеля, а у Наполеона оставался одинъ только проходъ чрезъ Сенъ-Бернардъ, то подобное движеніе его къ сему же самому пунктѣ (Маренго), принимая даже всѣ прочія обстоятельства неизмѣнившимися, было бы вовсе неискуснымъ, но только отважнымъ; ибо отрѣзывая сообщенія непріятеля, онъ и самъ подвергалъ

ся тому же; при томъ непріятель, находясь тогда близъ своихъ крѣпостей, имѣлъ бы въ излишество всѣ военныя потребности, а Наполеонъ былъ бы лишенъ всѣхъ способовъ къ возобновленію своихъ запасовъ. — Когда Наполеонъ въ 1805 году устремился къ Ульму, онъ имѣлъ двѣсти пятьдесятъ тысячъ войска, а Маккъ только восемьдесятъ тысячъ; сверхъ того было на Майнѣ нѣсколько снабженныхъ запасами укрѣпленныхъ пунктовъ, которые въ случаѣ надобности позволяли Наполеону имѣть на сей рѣкѣ основаніе дѣйствій. Когда онъ въ 1797 году направился сперва къ Виллаху и Клагенфурту, а потомъ къ самой Вѣнѣ, то хотя числительная сила его войскъ и не соотвѣтствовала трудности и важности сего предпріятія, однако же другія обстоятельства содѣлывали его возможнымъ и даже выгоднымъ, а именно: противъ Наполеона находились сначала силы слабѣйшія, которыя быстрымъ на-

ступленіемъ онъ могъ не только опрокинуть, но даже лишить возможности соединиться съ шедшими къ нимъ подкрѣпленіями и тѣмъ безъ значительнаго препятствія достигнуть окрестностей Вѣны; угроженіемъ же, или временнымъ занятіемъ сей столицы, онъ полагалъ склонить Австрію къ выгодному для Франціи миру. Если бы эти обстоятельства, которыя и въ самомъ дѣлѣ были главными причинами удачи, не существовали: то было бы не возможно, или по крайней мѣрѣ весьма опасно, устремиться съ слабою арміею прямо къ Виллаху и Клагенфурту, предположивъ даже, что эти пункты сохранили прежнюю свою рѣшительную стратегическую важность.—Когда въ 1812 году Наполеонъ готовился къ движенію въ сердце Россіи, то въ семъ случаѣ онъ также не упустилъ изъ виду едѣлать и средства свои соразмѣрными съ обширностію предпріятія, и потому двинулъ на Россію сово-

купныя силы всей почти западной Европы, составлявшія болѣе полумилліона войскъ.

Показавъ такимъ образомъ, что средства и обстоятельства не всегда допускаютъ возможность стремительныхъ дѣйствій прямо на рѣшительныя точки театра войны, постараемся доказать еще, что и самое достиженіе такого пункта, предположивъ его возможность, не всегда поведетъ къ рѣшительнымъ выгодамъ. Если противникъ нашъ имѣетъ намѣреніе и способы избѣгать въ началѣ войны генеральнаго сраженія, то онъ не останется на мѣстѣ въ бездѣйствіи, пока мы идемъ къ стратегическому пункту, нами избранному: онъ либо отступить за оный, либо перемѣнить свою операціонную линію. Въ этомъ случаѣ, если пунктъ имѣлъ важность только маневрную, то есть зависѣвшую отъ расположенія непріятельскихъ силъ, то выгода отъ овладѣнія онымъ будетъ ничтожна; если онъ имѣлъ важность гео-

графическую или политическую, то и выгоды будутъ соразмѣрны степени сей важности и слѣдственно не всегда рѣшительны. Въ 1812 году Наполеонъ направился сначала главными силами къ Вильнѣ, на центръ растянутого нашего расположенія, съ цѣлію прорвать оный и тѣмъ отдѣлить 1-ю армію отъ 2-й; но мы умѣли быстрымъ отступленіемъ предупредить исполненіе сего плана. Наполеонъ, узнавъ, что 1-я армія находится въ Дриссѣ, двинулся къ Полоцку, чтобъ занятіемъ сего города преградить ей дорогу во внутреннія провинціи Россіи и отдѣлить отъ Князя Багратіона; потомъ направился, съ такою же цѣлію къ Витебску; и наконецъ, когда Генералъ Барклай-де-Толли сдѣлалъ движеніе отъ Смоленска къ Руднѣ, то онъ устремился къ Смоленску, съ намѣреніемъ пересѣчь намъ прямой путь въ Москву и въ южныя Губерніи. Всѣ эти маневренные стратегическіе пункты

были Наполеономъ дѣйствительно достигнуты и заняты; но тогда уже, когда они, въ слѣдствіе отступленія нашего или перемѣны расположенія войскъ нашихъ, потеряли всю маневрную свою важность. Такимъ образомъ постепенное достиженіе четырехъ, такъ называемыхъ, рѣшительныхъ пунктовъ не доставило ему никакихъ особенныхъ выгодъ, а между тѣмъ армія его при Смоленскѣ не превышала уже двухъ сотъ тысячъ. Изъ Смоленска устремился онъ къ Москвѣ, надѣясь достиженіемъ оной принудить Россію къ миру; но, вмѣсто того, взятіемъ сей столицы доказалъ только, что участь Государствъ, главою коихъ Государи, подобные Императору Александру, и участь народа, подобнаго Русскому, не можетъ рѣшаться однимъ занятіемъ какого либо стратегическаго пункта, сколько бы оный ни былъ важенъ въ географическомъ и политическомъ отношеніяхъ.

Окончивъ такимъ образомъ разборъ главныхъ правилъ, заключающихся въ первыхъ сочиненіяхъ Генерала Жомини, не излишнимъ считаемъ замѣтить, что многія изъ нихъ совершенно противоположны правиламъ Бюлова. Причина того есть различіе основаній, принятыхъ этими двумя сочинителями. Желаніе дѣйствовать на сообщенія (основаніе Бюлова) ведетъ естественнымъ образомъ къ движеніямъ эксцентрическимъ, къ линіямъ наружнымъ и къ раздѣленію силъ; а желаніе рѣшить войну сраженіемъ (основаніе Жомини) ведетъ къ внутреннимъ линіямъ и къ сосредоточенію силъ. Первый родъ дѣйствій предполагаетъ возможность избѣгать рѣшительнаго боя и отдѣльнаго разбитія частей; а второй—невозможность уклоняться отъ рѣшительнаго боя. Очевидно, что ни одно, ни другое изъ этихъ условій не можетъ быть допущено въ видѣ неизмѣнномъ, ибо въ иныхъ войнахъ

и обстоятельствахъ можно избѣгать боя безвредно, а въ иныхъ нѣтъ; но съ другой стороны не подлежитъ также никакому сомнѣнiю, что участь всѣхъ почти войнъ рѣшается сраженiями, между тѣмъ, какъ уклоняясь отъ битвы и дѣйствуя на сообщенiя, рѣдко можно достигнуть рѣшительныхъ послѣдствiй. По сему правилу Жомини удобопримѣняемы къ бѣльшей части войнъ, между тѣмъ, какъ система Бюлова, въ точномъ смыслѣ ея, можетъ быть примѣняема весьма рѣдко и только при особенномъ стеченiи обстоятельствъ.

VII. Сочиненiе Эрцъ-Герцога Карла о Стратегii.

Въ сочиненiяхъ, до сихъ поръ нами разсмотрѣнныхъ, мѣстность театра войны не была вовсе принимаема въ соображенiе, и бѣльшая часть правилъ представле-

на такъ, какъ будто измѣненіе мѣстности не имѣетъ на нихъ ни какого вліянія.

Такой недостатокъ не могъ быть не замѣченъ многими, въ особенности же тѣми, которые, въ слѣдствіе собственной опытности или свойственнаго имъ образа мыслей, привыкли смотрѣть на мѣстность какъ на главнѣйшее основаніе всѣхъ военныхъ соображеній.

Въ Австрійской арміи уже со времени Дауна было всегда обращено особенное вниманіе на мѣстность. Искусство выбирать крѣпкія позиціи, соображать основательно выгоды и недостатки ихъ, и извлекать возможную пользу изъ каждаго пункта, выгоднаго въ тактическомъ отношеніи, составляло въ теченіи полувѣка отличительную черту дѣйствій Австрійскихъ Генераловъ; даже Кордонная система отчасти получила свое начало отъ желанія занимать сколько возможно бѣль-

шее число пунктовъ, выгодныхъ по своему мѣстоположенію.

Весьма естественно, что въ Австрійской арміи, гдѣ такимъ образомъ привыкли приписывать мѣстности важное вліяніе на военныя соображенія, не могли быть приняты стратегическія правила, при составленіи коихъ этотъ предметъ былъ почти вовсе выпущенъ изъ виду, и что слѣдственно отъ Австрійцевъ должно было по всей вѣроятности ожидать сочиненія, обращающаго надлежащее вниманіе на мѣстность. Дѣйствительно такъ и было.

Эрцъ-Герцогъ Карлъ, искуснѣйшій изъ Полководцевъ сего Государства, предпринялъ самъ изложить важность вліянія мѣстности на стратегическія соображенія, и доказать зависимость отъ ней всѣхъ военныхъ дѣйствій.

Въ сочиненіи его принято за основаніе, что «въ стратегическихъ расчетахъ одна лишь мѣстность составляетъ посто-

янную данность, между тѣмъ, какъ всѣ прочіе элементы Стратегіи подвержены измѣненію, и что слѣдственно рѣшительные пункты театра войны должны опредѣляться по одному образованію мѣстности, ибо тогда лишь будутъ они столь же неизмѣнны, какъ самая мѣстность.»

Въ слѣдствіе того стратегическіе пункты опредѣлены авторомъ единственно по расположенію горъ, теченію рѣкъ, и преимущественно по направленію дорогъ. Пути же, соединяющіе такіе стратегическіе пункты, названы стратегическими линіями.

Такимъ образомъ каждый театръ войны предполагается покрытымъ сѣтью пунктовъ и линій различной важности, а сѣть эта назначается къ главному руководству при дѣйствіяхъ. Чтобы лучше показать удобопримѣняемость этой мысли къ какому либо дѣйствительному театру войны, присоединенъ къ сочиненію

превосходный военно-географическій разборъ южной Германіи.

Имѣть базисъ или основаніе дѣйствій, состоящее изъ ряда стратегическихъ пунктовъ, снабженныхъ нужными для арміи запасами, принимается за необходимое условіе всѣхъ военныхъ дѣйствій. За лучшее отношеніе длины базиса къ длинѣ операціонной линіи принято такое же, какое принималъ и Бюловъ, то есть, какъ 2 : 1. — Въ случаѣ же надобности протянуть операціонную линію далѣе, нежели позволяетъ такое отношеніе, сочинитель требуетъ, чтобъ и длина базиса или основанія дѣйствій была непременно увеличена по соразмѣрности, или чтобы новый базисъ устроенъ былъ впереди прежняго. Лучшимъ направленіемъ для базиса принято (противно мыслямъ Бюлова) прямое и параллельное непріятельскому основанію дѣйствій, а лучшимъ направленіемъ для операціонной линіи перпендику-

лярное къ собственному базису, дабы удобнѣе прикрывать въ одно время всѣ пункты онаго.

Цѣлю наступательныхъ дѣйствій вообще поставляется: овладѣніе какимъ либо важнымъ стратегическимъ пунктомъ, а цѣлю оборонительныхъ — оборона подобнаго же пункта.

Общимъ неизмѣннымъ правиломъ при всѣхъ родахъ дѣйствій, какъ наступательныхъ, такъ и оборонительныхъ, принято: что каждая позиція арміи, каждое движеніе ея, должны быть соображаемы такъ, чтобы могли обезпечивать совершенно: 1) главный стратегическій пунктъ края, позади арміи лежащаго, 2) пункты, составляющіе базисъ, 3) сообщенія съ ними арміи и 4) операціонную линію, по которой армія двигается отъ базиса къ предмету дѣйствій. Но какъ всѣ сіи пункты и линіи опредѣлялись по одному только соображенію мѣстности, то очевидно, что

въ слѣдствіе этого правила и всѣ позиціи и движенія содѣлывались почти исключительно зависимыми отъ одного расположенія театра войны.

Въ наступательной войнѣ, сочинитель предлагаетъ направлять совокупныя силы по одной операціонной линіи къ главному предмету дѣйствій, точно такъ, какъ сіе требовалось и у Генерала Жомини, съ тою лишь разницею, что стратегическій пунктъ, долженствующій служить предметомъ дѣйствій, у Эрцъ-Герцога Карла опредѣляется по соображенію мѣстности, а у Генерала Жомини по соображенію расположенія непріятельскихъ силъ. При семъ наступательномъ дѣйствіи одною операціонною линіею, сочинитель считаетъ выгоднѣе двигаться прямо и рѣшительно къ предмету дѣйствія, и открывать себѣ дорогу оружіемъ, но не иначе какъ имѣя значительное превосходство въ силахъ; въ противномъ же случаѣ совѣтуетъ дости-

гать цѣли своей стратегическими маневрами, то есть такими движеніями, кои бы угрожали отрѣзать его отъ базиса, или пересѣчь путь его отступленія.

Къ этому авторъ присовокупляетъ еще, что подобный стратегическій обходъ возможенъ только при особенныхъ условіяхъ мѣстности, а именно: когда путь для обхода составляетъ стратегическую линію, по которой въ случаѣ надобности можно направить и отступленіе свое, или когда оставляемая нами прежняя операціонная линія столь сильна отъ природы или искусства, что не можетъ быть занята непріателемъ до совершенія нашего обхода.

Для оборонительной войны въ сочиненіяхъ Эрцъ-Герцога Карла приняты слѣдующія главные правила: располагаться совокупными силами у одного изъ тѣхъ стратегическихъ пунктовъ, чрезъ которые направляется операціонная линія непріятеля, и встрѣчать его прямо съ фрон-

та; буде же мѣстность представляетъ противнику нѣсколько операціонныхъ линій, то располагать армію тамъ, гдѣ сіи линіи соединяются, дабы можно было встрѣтить его въ томъ или другомъ направленіи. Въ случаѣ стратегическаго обхода предупреждать непріятеля на томъ пунктѣ, куда направленъ его обходъ, или атаковать его во время движенія, или наконецъ устремляться на его коммуникаціонную линію, если это возможно безъ опасности для нашихъ собственныхъ сообщеній.

При необходимости отступать должно преимущественно направлять отступление къ важнѣйшему стратегическому пункту нашего Государства, защищаясь упорно на каждомъ шагѣ.

Вмѣсто прямой встрѣчи и прямаго отступления, можно, какъ говоритъ авторъ, употребить, смотря по обстоятельствамъ, и фланговую позицію, то есть распола-

гаться параллельно непріятельской операціонной линіи, дабы, угрожая тылу и сообщеніямъ, остановить его и принудить къ перемѣнѣ направленія дѣйствій; но для возможности такого средства полагаеъ онъ необходимымъ, чтобъ расположеніе театра войны позволяло: 1) обезпечить сообщенія фланговой позиціи съ пунктами базиса и съ главнѣйшими стратегическими пунктами нашей земли, и 2) предупредить непріятеля на всѣхъ этихъ пунктахъ, въ случаѣ, если онъ вытѣснить насъ изъ фланговой позиціи. Въ тѣхъ только Государетвахъ, продолжаетъ сочинитель, гдѣ находится нѣсколько стратегическихъ пунктовъ первенствующей важности, и слѣдственно завоеваніе земли зависитъ не отъ одного только подобнаго пункта, въ тѣхъ Государетвахъ всегда выгоднѣе производить оборону фланговыми позиціями, нежели встрѣчею съ фронта; потому, что всегда намъ пред-

стоитъ возможность, уступая непріятелю путь къ одному изъ пунктовъ, опираться между тѣмъ на другой.

Сіе краткое изложеніе главныхъ правилъ системы Эрцъ-Герцога Карла показываетъ ясно неоспоримыя ея достоинства: кромѣ того, что она вводитъ въ область Стратегіи новый важный элементъ—*мѣстность*, въ ней не выпущены изъ виду ни выгоды сосредоточенія матеріальныхъ силъ, ни важность дѣйствій на сообщенія. Такимъ образомъ въ ней приняты не только главное правило Генерала Жюмини, то есть рѣшительное устремленіе сосредоточенныхъ силъ къ важнѣйшимъ пунктамъ театра войны, но даже и основныя правила системы Бюлова, какъ-то: важность дѣйствій на непріятельскія сообщенія, выгоды фланговыхъ позицій и эксцентрическаго къ нимъ отступленія; но ни тѣ, ни другія правила не приняты безусловно: примѣненіе ихъ поставлено въ

зависимость отъ расположенія театра войны.

Не взирая на такія достоинства, сочиненіе Эрцъ-Герцога Карла имѣетъ однако жъ и явный недостатокъ, а именно тотъ, что въ немъ дана мѣстности уже излишняя важность. Если и не подлежитъ сомнѣнію, что мѣстность имѣетъ неоспоримое вліяніе на всѣ военныя дѣйствія и во всѣхъ случаяхъ должна быть принимается въ особенное соображеніе; — то съ другой стороны не менѣе справедливо, что нельзя основывать всѣхъ плановъ и всѣхъ дѣйствій исключительно на одномъ только соображеніи театра войны, но необходимо должно принимать также въ расчетъ : расположеніе непріятельскихъ силъ, дѣйствія и намѣренія противника, обстоятельства политическія, духъ народа той земли, въ которой происходитъ война, и т. п. — При составленіи же правилъ Эрцъ-Герцога Карла не только вы-

пущены изъ соображенія всѣ эти обстоятельства и одной лишь мѣстности предоставленъ рѣшительный перевѣсъ при опредѣленіи всѣхъ дѣйствій войны, но даже и за основаніе принято, что главная цѣль войны заключается въ овладѣніи или оборонѣ важныхъ географическихъ пунктовъ, то есть *средство принято за цѣль*; ибо занятіе важныхъ по географическому положенію пунктовъ можетъ лишь служить полезнымъ средствомъ къ достиженію цѣли войны, но не составляетъ самую, сію цѣль, развѣ только въ какихъ нибудь особенныхъ, рѣдкихъ случаяхъ.

И такъ видно, что и въ системѣ Эрцгерцога Карла принято за основаніе, преимущественно предъ прочимъ, одинъ только стратегическій элементъ, *мѣстность*; по сему и правила, въ ней изложенныя, отнюдь не могутъ служить безусловнымъ, общимъ руководствомъ во всѣхъ войнахъ и во всѣхъ обстоятельствахъ. Мѣстность

имѣть только относительную важность, ибо пункты и линіи, заслуживающіе, по соображенію мѣстнаго ихъ положенія, особенное вниманіе, могутъ, смотря по расположенію непріятельскихъ силъ или по какимъ либо другимъ причинамъ, обратиться въ ничтожныя, между тѣмъ, какъ другіе пункты и линіи, не имѣвшіе ни какой почти мѣстной значительности, пріобрѣтутъ по тѣмъ же самымъ обстоятельствамъ первенствующую важность. Руководствуясь въ точности правилами Эрцъ-Герцога Карла, слѣдовало бы дѣйствовать всегда и постоянно такъ, какъ будто первые пункты остаются по прежнему важными, а вторые по прежнему ничтожными, или вообще, слѣдовало бы на одномъ и томъ же театрѣ войны, дѣйствовать всегда одинаковымъ почти образомъ, сколько бы прочія обстоятельства ни измѣнялись, что неминуемо повело бы къ частымъ ошибкамъ.

VIII. РОНЬА.

Послѣ сочиненія Эрцъ-Герцога Карла явилось твореніе Французскаго Генерала Ронья: *О Военномъ Искусствѣ*. Въ немъ нѣсколько главъ посвящены Стратегіи, и потому оно подлежитъ нашему разбору.

Ронья въ разсужденіяхъ своихъ о Стратегіи принялъ за основаніе дѣйствія Наполеона, но преимущественно обратилъ вниманіе на двѣ только войны его: въ Испаніи и Россіи. — Событія этихъ войнъ неминуемо должны были вести Генерала Ронья къ мысли, что охраненіе собственныхъ сообщеній и дѣйствія на сообщенія непріятельскія, составляютъ важнѣйшій предметъ въ военномъ искусствѣ, и что правило устремляться прямо къ рѣшительнѣйшему пункту театра войны, не только не всегда ведетъ къ достиженію цѣли войны, но весьма ча-

сто можетъ увлечь въ совершенную погибель.

На этой мысли онъ дѣйствительно основалъ всѣ стратегическія свои правила; изложимъ ихъ кратко для доказательства.

Имѣть базисъ, по возможности длинный, почитаетъ Генераль Ронья (согласно съ Бюловымъ и Эрцъ-Герцогомъ Карломъ) первою необходимостію для всѣхъ военныхъ дѣйствій. Этимъ непріятель лишается средствъ отрѣзать въ одно время всѣ сообщенія дѣйствующей арміи съ ея базисомъ.

Въ наступательной войнѣ Ронья оставляетъ значительную часть силъ, подъ названіемъ *резервной арміи*, на базисѣ для охраненія какъ его самого, такъ и сообщеній его съ дѣйствующею арміею. Эта послѣдняя армія между тѣмъ не должна для завоеваній удаляться далѣе восьми переходовъ отъ своего базиса. На этомъ разстояніи она должна остановить-

ся, устроить новый базисъ и перевести изъ прежняго резервныя войска и часть запасовъ. Послѣ чего она снова можетъ двигаться впередъ на подобное же разстояніе и тамъ устроить третій базисъ и т. д. Дѣйствуя такимъ образомъ, армія, какъ сочинитель полагаетъ, хотя постепенно и медленно, но дойдетъ также до центра непріятельскаго Государства, его столицы или другаго пункта рѣшительной важности,—и это методическое дѣйствіе арміи, имѣющей тылъ и сообщенія свои всегда обезпеченными, по мнѣнію Ронья, несравненно вѣрнѣе и безопаснѣе прямаго, быстраго наступленія безъ принятія надлежащихъ предосторожностей.

Въ оборонительной войнѣ сочинитель считаетъ лучшимъ средствомъ: оставлять резервную армію на базисѣ, а дѣйствующею, впереди его, занимать фланговую позицію и оттуда дѣйствовать на сообщенія непріятеля, въ случаѣ его покушенія

на дальнѣйшія движенія мимо фланговой позиціи.—Но, чтобы войскамъ, въ этой позиціи расположеннымъ, дать средство по произволу избѣгать боя или вступать въ оный съ значительными выгодами,—Ронья предлагаетъ заблаговременно, близъ каждой крѣпости, устраивать лагерь, столь сильно укрѣпленный, чтобы непріятель не могъ его атаковать съ надеждою успѣха. Это предложеніе Генерала Ронья есть нѣкоторымъ образомъ возобновленіе мыслей прежнихъ лагерей Римлянъ.

Изъ этого ясно видно, что Ронья почитаетъ важнѣйшимъ предметомъ: для наступательной войны, *охраненіе собственныхъ сообщеній*, а для оборонительной, *дѣйствія на сообщенія непріятельскія*.

Нельзя бы было опровергать мнѣнія автора, если бы онъ, изложеніемъ своей системы, хотѣлъ только доказать невыгоду дѣйствовать во всѣхъ случаяхъ бы-

стро и рѣшительно, а пользу и даже иногда необходимость слѣдовать его системѣ. Если бы онъ присовокупилъ, что Наполеонъ, слѣдуя такой медлительной системѣ въ войнахъ съ Испанією и Россією, имѣлъ бы болѣе вѣроятности успѣха, то и тогда нельзя бы было отвергать безусловно его мнѣніе. Но цѣль сочиненія Генерала Ронья совсѣмъ другая. Онъ почитаетъ свою систему лучшимъ образомъ дѣйствія, единственнымъ способомъ пріобрѣтать успѣхъ во всѣхъ войнахъ и случаяхъ, и потому оуждаетъ всѣ прочіе походы Наполеона, несогласные съ правилами этой системы. Напримѣръ: удачу похода 1805 года онъ приписываетъ единственно неистукну противниковъ; — на что нельзя согласиться. — Если бы Наполеонъ всегда дѣйствовалъ по системѣ Ронья, то никогда не произвелъ бы онъ блестящихъ подвиговъ, ознаменовавшихъ его военное поприще. Есть случаи, гдѣ

осторожное и медленное дѣйствіе необходимо, но несравненно чаще представляются другіе, въ которыхъ должно пользоваться обстоятельствами и, не упуская времени, дѣйствовать быстро и смѣло. Тотъ же, кто для военныхъ дѣйствій принялъ единственными правилами медленность и осторожность, никогда не будетъ великимъ Полководцемъ. Въ 1805 году Наполеонъ, двигаясь къ Вѣнѣ и потомъ къ Брюну, хотя болѣе, какъ то позволяетъ Ронъ, удалялся отъ своего базиса, подвергаясь притомъ опасности быть отъ него отрѣзаннымъ арміею Эрцъ-Герцога Карла, шедшаго изъ Италіи,—но при всемъ этомъ дѣйствія Наполеона не только не были ошибочны, но напротивъ того искусны. Уничтоживъ армію Макка, онъ имѣлъ противъ себя Кутузова и слабый корпусъ Австрійцевъ, всего 70 тысячъ, а онъ самъ имѣлъ 200 тысячъ. Направляясь быстро на слабыя силы союзниковъ, Наполеонъ,

сверхъ сбыточной надежды уничтожить ихъ до прибытія 2-й Русской арміи, могъ по разстояніямъ на вѣрное расчислить, что достигнетъ столицы Австріи прежде, чѣмъ для него движеніе Эрцъ-Герцога Карла можетъ содѣлаться опаснымъ. Занятіе Вѣны было для Наполеона весьма важно; онъ зналъ, что этимъ значительно ослабитъ средства Австріи и вѣроятно склонитъ ее къ отдѣльному миру. Кутузовъ искуснымъ и быстрымъ отступленіемъ успѣлъ избѣгнуть отдѣльнаго пораженія; но Австрійскій корпусъ былъ настигнутъ и почти уничтоженъ. Этимъ дѣйствіемъ и взятіемъ Вѣны, въ самомъ дѣлѣ, Австрія была столь ослаблена, что не могла присоединить къ Россійскимъ арміямъ болѣе 20 тысячъ войскъ. И такъ смѣлое движеніе Наполеона къ Вѣнѣ оправдывается какъ обстоятельствами, его родившими, такъ и самыми результатами. И когда послѣ взятія Вѣны, обѣ Русскія арміи

соединились около Брюна, и въ то же время Эрцъ-Герцогъ Карлъ приблизился къ границамъ Венгріи, то Наполеонъ не могъ спокойно ожидать соединенія этихъ обѣихъ частей; онъ долженъ былъ стараться разбить отдѣльно одну изъ нихъ, по чему и двинулся главными силами еще далѣе, т. е. къ Аустерлицу, гдѣ, одержавъ рѣшительную побѣду, принудилъ Австрійцевъ къ весьма невыгодному для нихъ миру.

Если бы Наполеонъ, вмѣсто своихъ быстрыхъ и рѣшительныхъ движеній, сталъ дѣйствовать, послѣ капитуляціи Макка, по правиламъ Ронъа, и, не смотря на слабость силъ Кутузова, останавливаться послѣ каждаго 8-ми переходовъ для учрежденія базисовъ, то этимъ далъ бы онъ довольно времени Кутузову, чтобъ соединиться со 2-ю Россійскою арміею и съ силами Эрцъ-Герцога Карла. Тогда онъ встрѣтилъ бы, не доходя Вѣны, войско болѣе 200 тысячъ человѣкъ, имѣя въ дѣй-

ствующей арміи (за исключеніемъ резервной) не болѣе 150 тысячъ. Очевидно, что всѣ выгоды были бы тогда на сторонѣ противниковъ, между тѣмъ, какъ при вышеразсмотрѣнныхъ дѣйствіяхъ, Наполеонъ умѣлъ такъ распоряжаться, что онъ оставались постоянно на сторонѣ его, и во всякую эпоху похода онъ имѣлъ болѣе вѣроятности къ успѣху, нежели непріятель.

Всегда можно стремиться смѣло и быстро къ отдаленному пункту, не обезпечивая, по правиламъ Ронъа, сообщеній, когда по вѣрнымъ расчетамъ и соображеніямъ мы убѣждены, что достигнемъ избраннаго пункта прежде, нежели дѣйствія непріятеля на наши сообщенія могутъ оказать намъ важный вредъ, и когда мы увѣрены, что съ достиженіемъ этаго пункта рѣшимъ въ нашу пользу участь всей войны или по крайней мѣрѣ приобрѣтемъ столь важныя выгоды, что дальнѣйшія дѣйствія противника на сообщенія сдѣлаются не

опасными. Не ошибаться въ этихъ расчетахъ, умѣть съ точностью сообразить и оцѣнить всѣ обстоятельства, предъусмотрѣть, такъ сказать, всѣ препятствія, которыя могутъ встрѣтиться при исполненіи,—вотъ въ чемъ состоитъ вся трудность, все искусство.—При вѣрномъ расчетѣ самыя дальныя, самыя смѣлыя движенія поведутъ и къ самымъ скорѣйшимъ и блестящимъ результатамъ, какъ то видно изъ походовъ Наполеона въ 1797, 1800, 1805, 1806 и 1809 годахъ; но за то при ошибочномъ расчетѣ подобныя движенія вовлекутъ всегда въ гибель. Въ 1812 году, при движеніи Наполеона къ Москвѣ, расчетъ его былъ вѣренъ относительно всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя принадлежатъ къ соображеніямъ чисто-военнымъ, и потому онъ дѣйствительно достигъ пункта, къ которому стремился, и даже прежде, нежели угрожала ему опасность быть отрѣзаннымъ

отъ своихъ сообщеній. Вся ошибка Наполеона состояла единственно въ томъ, что онъ не предполагалъ найти въ Россійскомъ Государѣ и его народѣ необычайную геройскую твердость, ознаменовавшую эту достопамятную для насъ эпоху. Онъ ошибочно предполагалъ, занятіемъ Москвы и центра Имперіи, немедленно принудить Россію къ выгодному для себя миру. Такимъ образомъ бѣдственныя послѣдствія сего предпріятія произошли преимущественно отъ ошибочнаго соображенія элементовъ политическаго и нравственнаго, и слѣдственно могутъ служить и наилучшимъ доказательствомъ, сколь не достаточны и односторонны всѣ тѣ стратегическія системы, въ которыхъ, при составленіи правилъ, устранены вовсе сіи два важные элемента, и которыя, не смотря на это, предлагаютъ свои правила какъ безусловныя и общія для всѣхъ случаевъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Всѣ сочиненія, нами до сихъ поръ разсмотрѣнныя, отличаются тѣмъ, что каждое изъ нихъ было порождено, нѣкоторымъ образомъ, самыми произшествіями; ибо одни произошли изъ разсмотрѣнія ближайшихъ по времени военныхъ событій, а другія изъ свойственнаго современникамъ образа мыслей, бывшаго такъ же, въ свою очередь, слѣдствіемъ ближайшихъ военныхъ событій. Хотя въ нѣкоторыхъ изъ этихъ сочиненій встрѣчаются мысли, заимствованныя изъ сочиненій предшествовавшихъ; но въ сущности каждое

сохраняетъ особенный свой характеръ, и довольно рѣзко отличается отъ прочихъ оригинальностію взгляда на военныя дѣйствія вообще. Сверхъ того замѣчательно то, что во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ главнымъ основаніемъ принято одно какое либо начало — одинъ какой либо Стратегическій элементъ, изъ котораго выводятся всѣ мысли и правила. Такимъ началомъ у Лойда, Бюлова и Ронья служить мысль о важности сообщеній, у Генерала Жюини матеріальная сила, у Эрцъ-Герцога Карла мѣстность.

По окончаніи революціонныхъ войнъ, многіе изъ военныхъ, на досугъ мира, стали заниматься теоретическою частію Стратегіи. Сличая всѣ извѣстныя системы, они скоро увидѣли, что эти системы не только во многомъ несогласны между собою, но отчасти излагаютъ правила совершенно противоположныя. Тутъ естественно должна была родиться мысль:

сліяніемъ различныхъ системъ, уничтоженіемъ ихъ разногласія, пополненіемъ новыми мыслями,—составить новую, полную, общую систему.

I. КСИЛАНДЕРЪ.

Первый сочинитель, сдѣлавшій этотъ опытъ, былъ Ксиландеръ.

Стратегическіе пункты, по его мнѣнію, бываютъ трехъ родовъ: 1) происходящіе отъ расположенія мѣстности (какіе принималъ Эрцъ-Герцогъ Карлъ); 2) происходящіе отъ расположенія войскъ (которые принималъ Генераль Жомини) и 3) пункты—особенно важные въ политическомъ отношеніи.

Предметами дѣйствій (говоритъ онъ) могутъ быть стратегическіе пункты всѣхъ трехъ родовъ, даже иногда и пункты вовсе не стратегическіе, напримѣръ: если мы направляемся прямо на непріятельскую армію, которая распо-

жена на пунктѣ, не важномъ ни въ какомъ отношеніи.

Изъ этого видно, что сочинитель полагаетъ, что выборъ предмета дѣйствій совершенно зависитъ отъ обстоятельствъ и не подлежитъ никакимъ общимъ правиламъ; что же касается до всѣхъ прочихъ стратегическихъ соображеній и дѣйствій, то онъ считаетъ нужнымъ и возможнымъ подчинить ихъ (какъ полагали и прочіе сочинители) твердымъ, постояннымъ правиламъ, и эти правила онъ заимствуетъ преимущественно изъ сочиненій Бюлова и Эрцъ-Герцога Карла.

Для наступательной войны, Ксиландеръ, согласно съ Бюловымъ, считаетъ концентрическое направленіе войскъ, нѣсколькими операціонными линіями отъ базиса къ предмету дѣйствія, лучшимъ. Почти всѣ прочія правила для сего рода войны онъ заимствуетъ изъ сочиненія Эрцъ-Герцога Карла.

Для оборонительной войны онъ считаетъ необходимымъ правиломъ, подобно Лойду и Бюлову, *избѣгать рѣшительнаго боя*; но изъ двухъ родовъ эксцентрическаго отступленія Бюлова, онъ допускаетъ, какъ Ронья и Эрцъ-Герцогъ Карлъ, только второй, т. е. отступленіе совокупными силами въ какую либо фланговую позицію.

Излишне было бы подробнѣе исчислять правила, заимствованныя Ксиландеромъ изъ различныхъ сочиненій, и опровергать каждое изъ нихъ, отдѣльно. Это повело бы только къ повторенію сказаннаго уже при разсмотрѣніи сочиненій Бюлова, Эрцъ-Герцога Карла и другихъ. И безъ этого разбора ясно, что правила, изъ коихъ каждое, отдѣльно взятое, нельзя принять за безусловное, останутся таковыми, не смотря на изложеніе ихъ въ другомъ порядкѣ, въ другой связи, и на приведеніи ихъ въ новую систему. Поче-

му, не останавливаясь на этомъ предметѣ, перейдемъ къ той части сочиненія Ксиландера, которая собственно принадлежитъ ему, и гдѣ онъ разсматриваетъ въ стратегическомъ отношеніи предѣлы и Географическое расположеніе Государствъ Европы.

Въ этой части сочиненія отличительная черта мыслей Автора, есть необыкновенная важность, которую онъ приписываетъ *рѣкамъ и возвышеннымъ пунктамъ*, гдѣ рѣки берутъ свое начало.

Мысль, что рѣки могутъ принести важную пользу для устроенія на нихъ базиса или оборонительной линіи, и для доставленія по нимъ запасовъ, была принята и прежде Лойдомъ и Эрцъ-Герцогомъ Карломъ; но Ксиландеръ присовокупляетъ еще къ сему, что наивыгоднѣйшая операціонная линія будетъ та, которая пройдетъ близъ самой рѣки по одно-

му съ нею направленію. — Такимъ образомъ, изъ всѣхъ предметовъ мѣстности, рѣки получаютъ у него первенствующую важность, и онъ находитъ ихъ удобными во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ.

Отъ этой первой мысли проистекла естественно и другая: о важности возвышенныхъ пунктовъ, изъ коихъ истекаютъ рѣки.—Владѣя пространствомъ, окружающимъ источники рѣкъ, говоритъ Ксиландеръ, можно не только дѣйствовать по обоимъ берегамъ рѣки, по произволу, но и постоянно спускаться съ мѣстъ высшихъ на низшія. Эти два обстоятельства онъ считаетъ столь важными, что, по его мнѣнію, владѣющему однѣми только нижними частями рѣки, весьма трудно сопротивляться съ успѣхомъ противъ обладающаго ея источниками.

Изъ этихъ мыслей выведены Ксиландеромъ слѣдующія правила, принятыя

имъ главнымъ основаніемъ при стратегическомъ обзорѣ Европы:

1. Государство, обладающее всѣмъ теченіемъ какой либо значительной рѣки, способно къ самой сильнѣйшей оборонѣ.

2. Если подобная рѣка протекаетъ чрезъ нѣсколько Государствъ, то тѣ изъ нихъ, которыя обладаютъ источниками или высшими ея частями, будутъ имѣть въ стратегическомъ отношеніи, весьма важный перевесъ надъ Государствами, расположенными ниже по теченію. Такъ на примѣръ: Австрія имѣетъ стратегическій перевѣсъ въ дѣйствіяхъ по направленію къ Валахіи и Булгаріи, а Франція будетъ имѣть подобный же перевѣсъ въ дѣйствіяхъ противъ Австрійцевъ всякой разъ, когда успѣетъ овладѣть прежде ихъ источниками Дуная.

3. Тѣ мѣстныя пространства, гдѣ значительное число большихъ рѣкъ имѣютъ

свое начало, какъ на примѣръ: Швейцарія,—суть важнѣйшія въ стратегическомъ отношеніи.

4. Если двѣ рѣки текутъ въ такомъ взаимномъ направленіи, что одна изъ нихъ удаляется отъ другой почти перпендикулярно, какъ на примѣръ: Висла отъ Дуная, то обладающій Дунаемъ будетъ имѣть рѣшительный перевѣсъ надъ противникомъ, обладающимъ Вислою, потому, что на Вислѣ нельзя основать дѣйствій, направленныхъ къ Дунаю, между тѣмъ какъ, основываясь на сей послѣдней рѣкѣ, можно съ удобностію устремляться прямо къ источникамъ Вислы.

Основывая почти исключительно на этихъ началахъ свой стратегическій разборъ выгодъ и недостатковъ мѣстнаго расположенія Государствъ Европы, Ксигландеръ не обращаетъ почти никакого вниманія на другія важныя топографическія обстоятельства, какъ то: на хребты

горъ, на направленіе главнѣйшихъ дорогъ, на взаимное расположеніе столицъ и крѣпостей и т. п. Можно подумать, что основаніемъ его разбора служила карта, на которой назначены однѣ только рѣки. Подобный трудъ, хотя бы всѣ основныя начала его были признаны справедливыми, и при всей оригинальности своей, не можетъ быть вполнѣ удовлетворительнымъ; но и самыя начала подлежатъ возраженію.

Для избѣжанія излишняго распространенія, мы рассмотримъ только главнѣйшія изъ нихъ, а именно: предполагаемую важность обладанія источниками рѣкъ и пространствомъ, гдѣ многія рѣки берутъ свое начало. Мысль эта есть чисто умозрительная и рѣдко можетъ быть примѣнена въ практикѣ. Источники значительныхъ рѣкъ находятся большею частию въ странахъ, гдѣ мѣстность не только гориста, но часто бываетъ покрыта

самыми высокими горами. Такія страны обыкновенно имѣютъ мало способовъ къ продовольствію, и сообщенія по нимъ весьма затруднительны. Это составляетъ чрезвычайное неудобство, а иногда и невозможность ни устраивать хорошее основаніе дѣйствій, ни располагать и двигать большія массы войскъ. Но предположимъ, что всѣ эти препятствія не существуютъ или, что мы удачно ихъ преодолѣли и расположились съ арміею у источника какой либо большой рѣки, то и тогда, какую особенную пользу можетъ доставить подобное расположеніе? Выгода, при движеніи внизъ по рѣки, дѣйствовать постоянно выше непріятеля, есть самая незначущая, даже ничтожная, потому, что пониженіе мѣстности вдоль береговъ рѣки бываетъ всегда постепенное и въ иныхъ мѣстахъ едва замѣтное. И противникъ, обладающій нижнею частію рѣки, устроивъ заблаговременно достаточное число

мостовъ, можетъ дѣйствовать по произволу на обоихъ берегахъ. Выгода въ этомъ отношеніи будетъ даже явно на сторонѣ его; ибо мы, дошедши вдоль рѣки мѣсть, гдѣ прекращаются переправы въ бродъ, должны, чтобы дѣйствовать на обоихъ берегахъ, устраивать мосты или отнимать ихъ у непріятеля, между тѣмъ какъ онъ можетъ имѣть мосты, заблаговременно устроенные и прикрытые укрѣпленіями. И сама выгода удобнѣйшаго доставленія продовольствій къ арміи, теченіемъ рѣки, доступна только по значительномъ удаленіи отъ ея источниковъ, потому что при началѣ рѣка, самая значительная, является малымъ ручьемъ или горнымъ потокомъ и неспособна ни къ какому судоходству, между тѣмъ какъ непріятель, находясь ниже по теченію, имѣетъ всѣ способы доставлять запасы водою, хотя и противъ теченія.

II. Водонкуръ.

Генераль Водонкуръ въ запискахъ своихъ о Стратегіи * имѣлъ одну цѣль съ Ксиландеромъ, желая составить улучшенную систему, сочетаніемъ мыслей и правилъ, прежде существовавшихъ, съ собственными. Изъ прежнихъ сочиненій онъ принялъ какъ руководство твореніе Эрцъ-Герцога Карла; слѣдуя ему большею частію, онъ измѣнилъ немного, и представилъ собственныя свои мысли въ видѣ объясненій и пополненій. Чтобъ дать ясное понятіе объ этомъ сочиненіи, достаточно рассмотреть замѣчательнѣйшія изъ этихъ дополненій и измѣненій.

Водонкуръ, опредѣливъ, согласно съ Эрцъ-Герцогомъ Карломъ, стратегическіе пункты и линіи по соображенію одной только мѣстности, присовокупляетъ, что предметомъ дѣйствій необходимо должны

* Помѣщенныхъ въ Journal des Sciences militaires.

быть или одинъ какой либо изъ подобныхъ стратегическихъ пунктовъ, или цѣлая стратегическая линія, соединяющая два особенно важные стратегическіе пункта. Подобную линію онъ, въ семъ случаѣ, называетъ *объективною*.

При изложеніи правилъ, касательно базиса, онъ отступаетъ отъ мыслей Эрцъ-Герцога Карла тѣмъ, что не считаетъ базисъ паралельный непріятельскому выгоднѣйшимъ, и сверхъ того присовокупляетъ нѣсколько собственныхъ мыслей, относительно лучшаго расположенія базисовъ для обороны Государства.

Далѣе, говоря объ устроеніи базиса при наступательной войнѣ въ землѣ непріятельской, Водонкуръ предлагаетъ, въ случаѣ неимѣнія укрѣпленныхъ пунктовъ, образовать базисъ изъ отрядовъ войскъ, и такимъ образомъ замѣнять укрѣпленія войсками. Подобный базисъ онъ называетъ *подвижнымъ*.

Въ сихъ то мысляхъ и еще въ нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ, но менѣе важныхъ, заключаются главныя перемѣны и дополненія сдѣланныя авторомъ къ сочиненію Эрцъ-Герцога Карла. Очевидно, что онѣ довольно удобно согласуются съ его системою и ни сколько не измѣняютъ ея сущности, почему о запискахъ Водонкура, въ цѣлости взятыхъ, по всей справедливости, можно сказать (что прежде было говорено о твореніи Эрцъ-Герцога Карла), что онѣ, какъ преимущественно основанныя на одномъ только стратегическомъ элементѣ—*мѣстности*, не могутъ служить общимъ руководствомъ для всѣхъ случаевъ.

III. Новѣйшее сочиненіе Генерала Жомини о Стратегіи.

Къ разряду сочиненій, нами теперь рассматриваемыхъ, можно причислить и новѣйшее твореніе Генерала Жомини (*Tableau analytique des principales combinaisons de la guerre*).

Между нимъ и двумя, предъ симъ рассмотрѣнными сочиненіями, замѣчательно важное различіе. Генераль Жomini, взявъ за основаніе преимущественно собственные мысли, присоединилъ къ нимъ новыя свои же, а изъ другихъ сочиненій заимствовалъ, въ видѣ пополненія, только то, что могло удобно согласоваться съ его правилами; Ксиландеръ же и Вонкуръ основывались преимущественно на чужихъ мысляхъ, а собственные присовокупили въ видѣ дополненій.

Въ новомъ сочиненіи Генераль Жomini рассматриваетъ сперва различныя политическія причины, служащія поводомъ къ войнѣ и доказываетъ, что цѣль ея должна быть опредѣлена политикою; а общій планъ дѣйствій долженъ быть соображенъ съ цѣлію, и вообще со всѣми политическими обстоятельствами.

Далѣе авторъ говоритъ, что составляя общій планъ какой либо войны, то

есть, опредѣляя для нее общую систему военныхъ дѣйствій, необходимо должно брать въ соображеніе характеръ народа, съ которымъ ведемъ войну; характеръ его Полководца; мѣстное расположеніе и средства непріятельской земли; составъ и внутреннее устройство войскъ противника, и тому подобное. Общее соображеніе всѣхъ этихъ предметовъ соединяетъ онъ подъ названіемъ: *Военной Политики*.

Допустивъ такимъ образомъ, что всѣ вышепомянутые предметы имѣютъ важное вліяніе на опредѣленіе общаго плана войны и общей системы дѣйствій, и слѣдовательно могутъ измѣнять ихъ: сочинитель присовокупляетъ, что самое выполненіе опредѣленнаго уже общаго плана войны неподвержено этому вліянію; можетъ быть подведено подъ общія, постоянныя правила и должно составлять исключительный предметъ Стратегіи, или, какъ онъ говоритъ, *Чисто-Военной Стратегіи*.

Такимъ образомъ, освободивъ Чисто-Военную Стратегію отъ всякаго на нее вліянія политическихъ обстоятельствъ и другихъ предметовъ, выраженныхъ подъ общимъ названіемъ *Военной Политики*, Генераль Жомини приступаетъ къ изложенію самыхъ правилъ.

Основнымъ правиломъ наступательной и оборонительной войны поставляетъ онъ, согласно съ прежними своими сочиненіями, направленіе главныхъ силъ войска, на рѣшительную точку театра войны. Принявъ такое основаніе, онъ естественнымъ образомъ признаетъ общими и безусловными всѣ прочія правила, проистекающія отъ принятія въ соображеніе исключительно одного матеріальнаго элемента, на примѣръ: что дѣйствовать одною операціонною линіею, выгоднѣе, нежели двумя; что внутреннія линіи всегда выгоднѣе наружныхъ, и тому подобное.

Рѣшительными пунктами театра войны, онъ признаетъ не только одни прежде принятые имъ маневренные, но подобно Эрцъ-Герцогу Карлу и тѣ, которыхъ важность опредѣляется мѣстными обстоятельствами. При самомъ же опредѣленіи маневренныхъ рѣшительныхъ пунктовъ, сочинитель къ прежнимъ условіямъ присовокупляетъ еще новое: онъ требуетъ, *чтобы къ этимъ пунктамъ можно было направляться, не подвергая опасности свои сообщенія*, и тѣмъ, слѣдовательно признаетъ нужнымъ принимать въ соображеніе не только одинъ матеріальный элементъ, но и обезпеченіе отступленія и привоза запасовъ.

Изъ чужихъ сочиненій, авторъ заимствуетъ мысль о необходимости базиса и охраненія съ нимъ сообщеній; сверхъ того нѣкоторыя правила, относительно самаго устроенія базиса; и наконецъ мысль, что при удобной мѣстности и другихъ

благопріятныхъ обстоятельствахъ, можно иногда съ выгодною отступать паралельно границамъ, то есть, употреблять второй родъ эксцентрическаго отступленія Бюлова.

Изъ этого обзора видно, что авторъ доказываетъ общность и неизмѣнность правилъ Чисто-Военной Стратегіи преимущественно тѣмъ, что отвергаетъ прямое на нихъ вліяніе политическихъ обстоятельствъ и всѣхъ предметовъ, соединенныхъ имъ подъ общимъ названіемъ Военной Политики.

Эта мысль, по важности своей, требуетъ подробнѣйшаго разсмотрѣнія, ибо очевидно, что съ принятіемъ ея опровергалось бы многое, сказанное нами прежде.

Для этого сперва объяснимъ, какой предѣлъ поставляетъ авторъ между общимъ планомъ войны или общею системою дѣйствій,—и стратегическимъ исполненіемъ такого плана. Хотя онъ самъ

это подробнѣе не объясняетъ, но содержаніе его Чисто-Военной Стратегіи, ясно показываетъ, что подъ исполненіемъ общаго плана войны, онъ разумѣтъ: выборъ пунктовъ, къ которымъ должно направлять дѣйствія;—опредѣленіе, сколькими и какими операціонными линіями дѣйствовать;—какъ располагать базисъ и обеспечивать сообщенія, и т. д.—словомъ—всѣ стратегическія соображенія, которыя могутъ только случаться въ продолженіе самаго похода. Изъ этого слѣдуетъ, что въ составъ общаго плана войны или общей системы дѣйствій, остается включить только то, что можетъ быть рассчитано и соображено до начала похода, а именно: какая цѣль войны, — дѣйствовать ли наступательно или оборонительно, — дѣйствовать ли рѣшительно или медленно и методически, — стремиться ли къ рѣшительнымъ сраженіямъ или избѣгать ихъ, стараясь вредить непріятелю преимуще-

ственно другими средствами, какъ то: дѣйствіями на его сообщенія малою войною и т. п.

Изъ этого видно, что мысль автора, собственно заключается въ слѣдующемъ: «при началѣ войны необходимо сообразить всѣ обстоятельства Дипломатической и Военной Политики, и на основаніи ихъ опредѣлить главный планъ войны и общую систему дѣйствій;—при самомъ же исполненіи главнаго плана, слѣдовательно и при всѣхъ частныхъ стратегическихъ соображеніяхъ, не нужно уже обращать вниманія на вышеупомянутыя обстоятельства, а дѣйствовать всегда по постояннымъ, неизмѣннымъ правиламъ *Чисто-Военной Стратегіи*, т. е. во всѣхъ этихъ частныхъ соображеніяхъ, напр. при перемѣнѣ, во время похода, операціонной линіи или предмета дѣйствій; при сосредоточеніи войскъ или раздѣленіи ихъ на части или на нѣсколько линій; при устро-

еніи новаго базиса и т. п., нѣтъ необходимости уже обращать вниманія, ни на характеръ и расположеніе къ намъ народа земли, въ которой ведется война, ни на характеръ и качества непріятельскаго Полководца, ни даже на расположеніе театра войны и средства края.»

Сколько намъ кажется, эта мысль опровергается сама собою, ибо то, что авторъ разумѣетъ подъ *исполненіемъ общаго плана войны*, есть, какъ видно, рядъ, не тактическихъ какихъ-либо дѣйствій, но частныхъ стратегическихъ соображеній. Каждое изъ нихъ въ свою очередь столько же зависимо отъ ближайшихъ къ нему обстоятельствъ Военной Политики, сколько общая система войны зависитъ отъ разсмотрѣнія, въ общемъ объемѣ, всѣхъ главныхъ обстоятельствъ Дипломатической и Военной Политики. Въ этомъ отношеніи, главное различіе между частными стратегическими сообра-

женіями во время похода, и предварительнымъ общимъ планомъ войны, заключается только въ томъ, что первыя менѣе втораго подвержены вліянію, какъ Дипломатической Политики, такъ и всего того, что относится къ средствамъ непріятеля, въ совокупности взятымъ, и къ театру войны, въ цѣлости разсматриваемому; на частныя же стратегическія соображенія, т. е. на исполненіе предварительнаго плана, несравненно большее вліяніе имѣетъ все то, что въ частности ближе къ нему относится, на примѣръ: мѣстность того края, или той провинціи, гдѣ дѣлаетъ какое либо стратегическое соображеніе; — средства края; характеръ народа, въ немъ обитающаго и расположеніе его къ намъ; составъ и качества той части непріятельскихъ войскъ, къ которой непосредственно относится наше соображеніе; характеръ и образъ мыслей начальника этихъ войскъ; и т. п.

Если мы даже предположимъ, что этотъ выводъ нашъ несправедливъ и примемъ безусловно мысль автора, что обстоятельства Военной Политики не имѣютъ никакого непосредственнаго вліянія на частныя стратегическія соображенія,—то и тогда эти послѣднія останутся не менѣе въ зависимости отъ общей первоначально начертанной системы дѣйствій; а какъ она можетъ быть различна, по различію обстоятельствъ: то слѣдовательно и правила частныхъ соображеній подвергаются измѣненію. Напримѣръ, правило направлять всегда главныя силы къ рѣшительному пункту театра войны, удобопримѣняемо только тамъ, гдѣ общая система дѣйствій требуетъ поступать рѣшительно и искать генеральныхъ сраженій; но оно часто будетъ вредно тамъ, гдѣ въ слѣдствіе общей системы дѣйствій предположено выигрывать время, избѣгать по возможности рѣшительнаго боя, и стараться преимущественно вредить непріа-

телю дѣйствіями на сообщенія и другими подобными средствами.

Показавъ такимъ образомъ, что невозможно представить правила стратегическихъ соображеній, не подверженными вліянію обстоятельствъ Военной Политики и независимыми отъ общей системы войны, мы получили полное право разсматривать Чисто-Военную Стратегію Генерала Жюмани на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, на какихъ разсматривали всѣ прежнія сочиненія, т. е. принимая въ соображеніе всѣ возможные обстоятельства и вліяніе разнородныхъ предметовъ.

При таковомъ разсмотрѣніи, мы прежде всего замѣчаемъ, что авторъ хотя и принялъ, какъ и прежде, главнымъ основаніемъ матеріальный элементъ, однако беретъ уже въ соображеніе мѣстность и дѣйствія на сообщенія, отъ чего не только увеличивается число его правилъ, но и самое сочиненіе дѣлается многостороннѣе и удобнѣе къ примѣненію.

Сверхъ того замѣчаемъ, что всѣ правила, преимущественно на соображеніи одной матеріальной силы основанныя, съ небольшою разницею тѣ же самыя, которыя были уже изложены въ прежнихъ сочиненіяхъ Генерала Жюмини; прочія же за тѣмъ правила, по сущности своей менѣе важны, или сходны съ какими либо правилами другихъ писателей; однимъ словомъ, находимъ, что всѣ важнѣйшія правила, въ Чисто-Военной Стратегіи помѣщенные, были уже нами рассмотрѣны прежде, каждое въ своемъ мѣстѣ, и потому къ цѣлому сочиненію, по справедливости, можемъ отнести то же сужденіе, которое сдѣлано было нами о Стратегіи Ксиландера, то есть: что правила, изъ коихъ каждое само по себѣ нельзя принять за безусловное, останутся всегда условными, въ какомъ бы порядкѣ ихъ ни излагали, и какимъ бы образомъ ихъ ни связывали между собою.

Но къ этому должно прибавить, что правила Генерала Жомини, хотя и не могутъ быть признаны безусловными, однакожъ въ весьма многихъ случаяхъ будутъ служить очень полезнымъ руководствомъ для военныхъ дѣйствій, потому, что основаны преимущественно на соображеніи самоважнѣйшаго стратегическаго элемента, отъ котораго, дѣйствительно, почти всегда зависитъ рѣшеніе участи войны.

По этой причинѣ, не подвергаясь упрекамъ въ пристрастіи, можно сказать, что если бы необходимо должно было дѣйствовать всегда по однимъ какимъ либо постояннымъ, неизмѣннымъ правиламъ, то для сего, безъ сомнѣнія, слѣдовало бы предпочесть, всѣмъ другимъ, правила Генерала Жомини, ибо они чаще вели бы насъ къ выгоднѣйшему и лучшему дѣйствию и только въ рѣдкихъ случаяхъ вовлекали въ ошибки.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Еще до появленія въ свѣтъ двухъ послѣднихъ сочиненій, разсмотрѣнныхъ нами во 2-й главѣ, начали уже обращать на себя общее вниманіе военныхъ людей книги подъ заглавіемъ: *Mémoires écrits á S-te Hélène par Gourgaud et Montholon*; — *Mémorial de S-te Hélène par le Comte de Las Cases*.

Эти два сочиненія, хотя и не написаны самимъ Наполеономъ, но составлены подъ его непосредственнымъ надзоромъ, имъ пересмотрѣны и исправлены, слѣдовательно въ нихъ изображаются мысли о Стратегіи и Военномъ Искусствѣ вообще сего знаменитаго Полководца.

І. МЫСЛИ НАПОЛЕОНА О СТРАТЕГІИ.

Замѣчательнѣйшая изъ этихъ мыслей состоитъ въ томъ: что «Тактика, Инженерное и Артиллерійское Искусство могутъ быть изучены теоретически, но для Стратегіи теорія существовать не можетъ, и единственное средство получить вѣрное понятіе въ этомъ предметѣ, есть тщательное изученіе Военной Исторіи, въ особенности же дѣйствій семи знаменитѣйшихъ Полководцевъ: Александра Македонскаго, Аннибала, Юлія Цезаря, Густава Адольфа, Тюрена, Принца Евгенія Савойскаго и Фридриха II».

Далѣе сказано, «что планы дѣйствій должны быть всегда соображаемы съ обстоятельствами, характеромъ непріятельскаго Полководца, съ качествомъ войска, и съ мѣстностью, и потому они подлежатъ безчисленнымъ измѣненіямъ.»

Эти двѣ мысли приняты, нѣкоторымъ образомъ, за основаніе, и потому въ Запискахъ Наполеона вовсе почти не встрѣчается правилъ, представленныхъ безусловными; напротивъ, почти всѣ они отнесены къ какому-нибудь частному случаю, или основаны на какихъ-нибудь извѣстныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ. Въ иныхъ мѣстахъ даже ясно опровергается безусловность нѣкоторыхъ правилъ прежнихъ Писателей; такъ на примѣръ сказано: что, «хотя обыкновенно должно стараться по возможности охранять свою операціонную линію, однако иногда можетъ случиться, что самое предоставленіе во власть непріятелю операціонной нашей линіи будетъ дѣйствіемъ весьма искуснымъ».

Вотъ единственныя правила, представленные Наполеономъ въ видѣ общихъ, безусловныхъ: 1) держать силы свои въ совокупности и дѣйствовать одною опе-

раціонною линією; 2) кидаться съ быстротою на важные пункты, и 3) дѣйствовать всегда методически. (Подъ словомъ *методически* Наполеонъ разумѣетъ только дѣйствія, сообразныя съ обстоятельствами и средствами, т. е. дѣйствія разсудительныя, искусныя).

Это послѣднее правило: *во всѣхъ дѣйствіяхъ соображаться со средствами и обстоятельствами*, не заключаетъ въ себѣ, какъ видимъ, никакого опредѣлительнаго наставленія для самаго дѣйствія: слѣдовательно оно не настоящее правило, а только общее непремѣнное для всѣхъ дѣйствій условіе, и именно потому, что оно для всѣхъ случаевъ становится неизбежно общимъ; все прочее, касающееся до самыхъ стратегическихъ дѣйствій или правилъ, дѣлается уже условнымъ.

Первыя же два правила, ясно выражающія духъ войнъ самого Наполеона, подобны правиламъ Генерала Жюмини.

Не будемъ здѣсь повторять того, что въ разборѣ его сочиненій было нами сказано о правилѣ направляться съ быстротою на важные пункты; тамъ, кажется, мы ясно показали, что самъ Наполеонъ производилъ такіа быстрыя, рѣшительныя движенія не иначе, какъ по соображенію съ обстоятельствами и средствами. Что касается до другаго правила, то мы замѣтимъ только, что сосредоточеніе и направленіе силъ по одной операціонной линіи, безъ сомнѣнія, большею частію есть самое выгодное, особенно при рѣшительныхъ наступательныхъ дѣйствіяхъ; но иногда можетъ представиться необходимость—раздѣлиться на части или на нѣсколько операціонныхъ линій. Напримѣръ: для прикрытія съ боку нашей операціонной линіи; для занятія или прикрытія какого нибудь важнаго мѣстнаго пункта, или пространства, лежащаго въ сторонѣ; для противудѣйствія какой либо

отдѣльной части непріятельскихъ силъ,
и т. п.

Самыя дѣйствія Наполеона служатъ лучшимъ доказательствомъ, какъ часто представляется необходимость къ раздѣленію. Въ 1797 году, направляясь къ Виллаху, должно было оставить на лѣвомъ флангѣ Тироль, занятый непріятельскими войсками. Если бы Наполеонъ двигался совокупными силами прямо къ своему предмету дѣйствій, то эти войска противника, вышедъ по долину Эча къ Веронѣ, легко могли бы овладѣть его базисомъ и пересѣчь ему сообщенія съ Франціею. Для избѣжанія этого, Наполеонъ былъ принужденъ отдѣлить около $\frac{1}{3}$ своихъ силъ и направить ихъ вверхъ по долину Эча. Такъ образовались у него двѣ операціонныя линіи, раздѣленныя между собою почти непроходимыми горами. Неранѣе, какъ по овладѣніи предметомъ дѣйствія, Виллахомъ, могъ Наполеонъ

опять изъ двойной операціонной линіи образовать одну общую.—Въ знаменитомъ походѣ 1800 года, Наполеонъ, прошедъ Альпійскія горы, раздѣлилъ армію на двѣ, почти равныя части, изъ коихъ одну оставилъ на лѣвомъ берегу По, для прикрытія своихъ сообщеній съ Швейцаріею и для дѣйствія оборонительнаго, а съ другой, перешедъ на правой берегъ По, предпринялъ рѣшительныя наступательныя дѣйствія.—Въ 1812 году въ Россіи онъ имѣлъ три операціонныя линіи, изъ коихъ одна шла къ Москвѣ, другая направлялась къ Петербургу, и третья къ Украинѣ. Наконецъ въ двухъ походахъ, 1813 и 1814 годовъ, въ которыхъ онъ дѣйствовалъ оборонительно, у него было постоянно столько жъ операціонныхъ внутреннихъ линій, сколько противникъ имѣлъ наружныхъ.

Но, кромѣ дѣйствій, и собственныя его слова, приведенныя въ Запискахъ Гурго, ясно показываютъ, что правило, дѣй-

ствовать одною операціонною линією, онъ не принималъ въ совершенно безусловномъ смыслѣ.—Осуждая раздѣленіе Французскихъ силъ, въ Германскомъ походѣ 1796 года, на двѣ операціонныя линіи, онъ присовокупляетъ, «что когда Пруссія отложила отъ союза съ Австрією, и одно только это Государство осталось противникомъ Франціи, слѣдовало обѣ Французскія арміи соединить и дѣйствовать одною линією.» Это ясно показываетъ, что, ежели бы Пруссакки не отложились, должно было бы дѣйствовать двумя линіями.

И такъ вѣроятно, что Наполеонъ, предлагая два вышепомянутыя правила въ видѣ безусловныхъ, не думалъ этимъ нарушать общности третьяго своего правила: *о необходимости соображать всѣ дѣйствія съ обстоятельствами и средствами*, и слѣдовательно, говоря, что должно дѣйствовать сосредоточенными силами, всегда одною операціонною линією

и всегда рѣшительно и быстро, онъ по всей вѣроятности подразумѣвалъ здѣсь условіе—*когда то позволяютъ средства и обстоятельства.*

Какъ бы то ни было, но ясно, что Наполеонъ иначе, нежели другіе Писатели, смотрѣлъ на Стратегію: онъ не только что отвергаетъ возможность теоріи сего искусства, но, вмѣсто всѣхъ многочисленныхъ безусловныхъ правилъ прежнихъ Писателей, представляетъ только два; да и тѣ, какъ кажется, не въ совершенно безусловномъ видѣ.

Новость такого взгляда на Стратегію, хотя бы принадлежала писателю только теоретическому и неопытному, должна была бы уже обратить на себя вниманіе военныхъ людей; но выраженная знаменитѣйшимъ Полководцемъ новѣйшихъ временъ, она заслуживаетъ самое зрѣлое обсужденіе и имѣетъ всѣ права на всеобщее уваженіе.

II. ДЕКЕРЪ.

Мысли Наполеона послужили основаніемъ нѣсколькимъ другимъ сочиненіямъ; первое изъ нихъ, по времени изданія, есть книга Декера, подъ заглавіемъ: Практическая Стратегія (*Praktische Strategie*).

Декеръ, въ самомъ началѣ своего сочиненія, говоритъ о невозможности теоретическаго изученія Стратегія, и о необходимости ограничить цѣль учебной стратегической книги только объясненіемъ формы и духа соображеній, предлагая вмѣсто опредѣлительныхъ наставленій, одни лишь намѣки (*Winke, Andeutungen*).

Авторъ, въ бѣльшей части своего сочиненія, не упускаетъ изъ виду своей цѣли: онъ предлагаетъ обыкновенно, для каждаго извѣстнаго дѣйствія, нѣсколько различныхъ способовъ, основанныхъ на историческихъ фактахъ; рассматриваетъ выгоды и неудобства каждаго способа, не

выводя изъ своихъ разсужденій никакихъ опредѣлительныхъ правилъ; онъ ограничивается объясненіемъ разсматриваемаго имъ предмета, и такимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, не даетъ положительныхъ наставленій, а предлагаетъ одни лишь намѣтки. Сообразно съ духомъ такого способа изложенія, Авторъ отвергаетъ также безусловность многихъ правилъ, принятыхъ за основаніе въ системахъ другихъ Писателей; онъ говоритъ напримѣръ: что невозможно опредѣлить лучшей длины операціонной линіи, ни мѣрою какихъ-либо угловъ, ни отношеніемъ ея къ базису; но что длина эта всегда зависитъ отъ мѣстности и другихъ обстоятельствъ. Подобнымъ образомъ, разсматривая мнѣніе касательно необходимости базиса, Сочинитель признаетъ его пользу; но думаетъ, что иногда можно дѣйствовать и безъ базиса и что это доказано дѣйствіями Наполеона въ началѣ кампаніи 1796

года. Далѣе Авторъ говоритъ, что невозможно опредѣлить съ точностію рѣшительныхъ пунктовъ на театрѣ войны, посредствомъ однихъ лишь теоретическихъ правилъ; что невозможно также предпочесть исключительно предъ прочими одинъ какой либо способъ отступленія, ибо каждый можетъ быть въ свое время наивыгоднѣйшимъ, не исключая даже и перваго рода эксцентрическаго отступленія, предложеннаго Бюловымъ, то есть: раздѣленія войскъ по расходящимся направленіямъ, и тому подобное.

Ясно, что всѣ эти разсужденія соответствуютъ общей цѣли Автора; но въ его сочиненіи находятся другія мысли, совершенно несообразныя съ этою цѣлію. Такъ, напримѣръ, встрѣчаются у него безусловныя правила для дѣйствій. Изъ нихъ замѣчательнѣйшія два слѣдующія:
1) При раздѣленіи на части, этимъ отдѣльнымъ частямъ должно давать

направленіе, позволяющее соединять ихъ прежде, чѣмъ непріятель можетъ сосредоточить отдѣльныя части своего войска. Очевидно, что сущность этого правила есть не что иное, какъ расположеніе внутренними линіями, предложенное Генераломъ Жомини. Разсматривая эту мысль прежде, мы, кажется, доказали, что расположеніе внутренними линіями весьма полезно въ нѣкоторыхъ случаяхъ; но что лучшимъ во всѣхъ обстоятельствахъ оно считаться не можетъ. При томъ самъ Декеръ, въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія, явно отступаетъ отъ этого правила, говоря, что полезно иногда употреблять первый родъ эксцентрическаго отступленія Бюлова, въ которомъ, какъ извѣстно, сосредоточеніе силъ весьма неудобно, по причинѣ направленія въ различныя стороны отдѣльныхъ частей войска. 2) Армія, ведущая наступательную войну, должна искать рѣши-

тельнаго боя и избѣгать всего того, что можетъ препятствовать наискорѣйшему вступленію въ сраженіе. И это правило безъ сомнѣнія, болѣею частию будетъ полезно, но не всегда; могутъ встрѣтиться случаи, въ которыхъ Полководцу, ведущему наступательную войну, выгоднѣе будетъ—не искать боя, и на время воздерживаться рѣшительныхъ дѣйствій, напримѣръ: для присоединенія къ арміи значительныхъ подкрѣпленій, для доставленій войскамъ необходимаго отдыха, для прочнаго занятія непріятельскихъ областей посредствомъ овладѣнія крѣпостями, устроенія базиса и магазиновъ, и т. д. Чаше всего подобные случаи могутъ встрѣтиться, когда самая цѣль войны нерѣшительнаго свойства, а ограничивается занятіемъ какой либо пограничной непріятельской области.

Въ сочиненіи Декера встрѣчаются еще и другія безусловныя правила для

дѣйствій, на примѣръ: «ведя оборонительную войну, должно избѣгать дѣлъ, необщающихъ важныхъ послѣдствій, а ведущихъ единственно къ напрасной тратѣ снарядовъ;» и т. п. Мы не обратимъ особеннаго вниманія на эти правила, менѣе важныя по своей сущности; они столь очевидно недостаточны, что опроверженіе ихъ не можетъ представить ни малѣйшаго затрудненія читателю.

Но нельзя оставить безъ разсмотрѣнія мысль Декера, предложенную имъ за важнѣйшее правило и даже, нѣкоторымъ образомъ, за основаніе всей Стратегіи, именно: «направлять усилія свои туда, гдѣ отъ нихъ можетъ произойти наибольшій вредъ непріятелю,» — или, употребля точное выраженіе Автора, — «туда, гдѣ это будетъ чувствительнѣе для противника: (Wo es ihm am wehsten thut)».

Очевидно, что невозможно опровергать это правило, потому что въ немъ

нѣтъ ничего опредѣлительнаго; оно есть не что иное, какъ аксіома, тѣсно связанная съ самымъ понятіемъ о войнѣ, подобная слѣдующимъ наставленіямъ: «должно стараться наносить какъ можно болѣе вреда противнику»,—или «должно лишать его средствъ къ продолженію войны», и т. п.—Разсуждая о правилахъ Стратегіи, мы не включаемъ, въ число ихъ, подобныхъ аксіомъ, и подъ названіемъ правилъ разумѣемъ только тѣ предложенія, которыя заключаютъ въ себѣ какое либо опредѣлительное наставленіе для дѣйствій.

Разсматривая въ совокупности сочиненіе Декера, очевидно, что Авторъ выпускалъ часто изъ виду главную цѣль, которую онъ самъ себѣ предназначилъ: «избѣжать всѣхъ положительныхъ и безусловныхъ правилъ», и потому многія части его книги сдѣлались несообразными съ общимъ ея планомъ.

III. ВАГНЕРЪ.

Вагнеръ въ сочиненіи своемъ, *Betrachtungen und Erfahrungen über den Krieg*, принявъ, для изложенія Стратегіи, способъ совершенно отличный отъ способа Деке-ра; онъ полагаетъ, что, устранивъ на военныя дѣйствія вліяніе политическихъ обстоятельствъ, можно Стратегію представить въ видѣ теоріи. Но какъ это на практикѣ принять невозможно, то авторъ счелъ нужнымъ раздѣлить свою Стратегію на двѣ части: на *Чистую* или *теоретическую*, и на *Прикладную* или *практическую*. Въ первой разсматриваетъ Стратегію отвлеченно, не принимая въ соображеніе вліяніе политическихъ обстоятельствъ; въ другой ищетъ показать: какимъ образомъ въ дѣйствительныхъ случаяхъ, встрѣчающихся Полководцу, должно, соображаясь съ политическими

обстоятельствами, измѣнять и примѣнять правила Чистой Стратегіи.

Сочинитель, принявъ такое раздѣленіе, безъ всякаго сомнѣнія считаетъ всѣ правила Чистой Стратегіи подверженными измѣненію въ дѣйствительныхъ случаяхъ войны, и слѣдовательно имѣющими безусловность только мысленную. Что же касается до практической Стратегіи, то онъ полагаетъ совершенно невозможнымъ представить ее въ видѣ теоретической науки, или подчинить ее какимъ либо положительнымъ правиламъ. Единственнымъ средствомъ, для полученія о ней яснаго понятія, онъ считаетъ изученіе Военной Исторіи. Основываясь на этой мысли, Вагнеръ, въ прикладной части своей Стратегіи помѣстилъ одни лишь разборы замѣчательнѣйшихъ войнъ и походовъ.

Теоретическую же свою Стратегію излагаетъ онъ слѣдующимъ образомъ: сначала всякое соображеніе и дѣйствіе онъ стараетъ-

ся, по возможности, раздѣлить на нѣсколь-
ко главнѣйшихъ случаевъ или видовъ, ко-
торые могутъ встрѣтиться на практикѣ,
и потомъ уже каждый изъ этихъ видовъ
онъ разсматриваетъ отдѣльно. Напримѣръ
наступательную войну раздѣляетъ онъ на
два рода: 1) когда наступающій дѣйст-
вуетъ методически, 2) когда война про-
изводится въ видѣ нашествія. Оборони-
тельную же войну, по различію причинъ,
заставляющихъ насъ ограничиваться обо-
роною, авторъ разсматриваетъ въ девяти
различныхъ видахъ, — и для каждого изъ
нихъ старается дать полезнѣйшія настав-
ленія къ дѣйствию.

При подобномъ образѣ изложенія
нельзя ожидать, въ сочиненіи этомъ,
встрѣтить общія правила для всѣхъ на-
ступательныхъ или для всѣхъ оборони-
тельныхъ дѣйствій; авторъ преимущест-
венно ограничивается частными правила-
ми для каждого изъ разсматриваемыхъ

имъ видовъ или случаевъ, и эти даже частныя правила представлены имъ весьма рѣдко въ видѣ безусловныхъ наставленій, а показаны, большею частію зависящими отъ обстоятельствъ. Причина тому очевидна; сочинитель, раздробляя дѣйствія на случаи, ясно видѣлъ самъ, что онъ не достигъ еще предѣловъ раздѣленія, и что каждый изъ разсмотрѣнныхъ имъ случаевъ могъ быть еще подраздѣленъ на другіе, которые требовали бы вновь отдѣльнаго разсмотрѣнія и различныхъ правилъ.

Изъ этого краткаго разбора мы видимъ: 1) что теоретическая или Чистая Стратегія Вагнера по смыслу, ей данному самимъ авторомъ, есть только *мысленная* (отвлеченная) часть науки, и потому не можетъ служить прямымъ руководствомъ для дѣйствій; 2) что, излагая Чистую Стратегію, авторъ не представилъ науки въ видѣ какой либо теоретической

системы, и даже не вывелъ изъ своихъ разсужденій ни одного общаго правила, на которомъ было бы возможно основать подобную систему; словомъ, что авторъ не разумѣлъ, подъ названіемъ теоретической Стратегіи, науки, приведенной въ систему, а хотѣлъ единственно, посредствомъ раздѣленія Стратегіи на Чистую и Прикладную, положить различіе между знаніями, подлежащими книжному изученію и искусствомъ примѣненія сихъ свѣдѣній къ практикѣ.

IV. Клаузевицъ.

Остается намъ рассмотреть новѣйшее, весьма замѣчательное твореніе по части Стратегіи, а именно сочиненіе Генерала Клаузевица, подъ заглавіемъ: О Войнѣ (Von Kriege).

Сочиненіе это начинается объясненіемъ понятій о существѣ войны, о цѣли ея, о связи политики съ войною, и т. п.

Авторъ, излагая сіи предметы, увлекается въ такіа умозрительныя философическія изслѣдованія, что каждый читатель, не дошедши до конца первой части, непременно долженъ заключить, что въ сочиненіи этомъ одна теорія, самая отвлеченная и, для практики самая бесполезная; но неожиданно ходъ изложенія измѣняется и, въ концѣ первой части, принимаетъ уже прямое направленіе къ практической цѣли, и тогда читатель убѣждается, что всѣ предъидущія отвлеченныя умствованія клонились единственно къ выводу слѣдующаго предложенія: «что положительная теорія Стратегіи, могущая служить во всѣхъ случаяхъ руководствомъ для дѣйствій, существовать не можетъ.» Наконецъ сочинитель предлагаетъ вопросъ: могутъ ли, послѣ этого заключенія, быть признаны полезными учебныя книги Стратегіи? и вотъ что отвѣчаетъ самъ авторъ: такіа книги могутъ быть весьма полезны, если

не имѣють цѣлю давать положительныя наставленія; если ограничиваются разсужденіями о свойствахъ и вліяніи на военныя дѣйствія всѣхъ стратегическихъ средствъ и элементовъ; если примѣрно указываютъ, какимъ образомъ должно соображать ихъ для искуснаго дѣйствія въ главнѣйшихъ случаяхъ, могущихъ встрѣтиться на войнѣ. Чрезъ это, какъ полагаютъ сочинитель, обучающійся Стратегіи, совершенно ознакомится со веѣми началами, входящими въ соображенія военныхъ дѣйствій, получитъ нѣкоторый навыкъ примѣненія этихъ началъ къ настоящимъ дѣйствіямъ, и содѣлается способнымъ опредѣлять, безъ пособія правилъ, собственнымъ разсудкомъ, какое именно дѣйствіе, на извѣстной мѣстности и при данныхъ обстоятельствахъ, есть полезнѣйшее для какого бы то ни было частнаго случая.

Сообразно съ такою цѣлію, авторъ въ концѣ перваго тома принимаетъ слѣдующій ходъ въ изложеніи Стратегіи.

Во первыхъ разсматриваетъ онъ два важнѣйшіе элемента Стратегіи: моральный и матеріальный (вещественный), каждый отдѣльно; потомъ говоритъ о боѣ въ отношеніи его къ Стратегіи; послѣ того разбираетъ порознь средства, для войны служащія, а именно: силу войскъ въ отношеніи къ силѣ противника, составъ арміи, движенія, способы продовольствія, базисъ, коммуникаціонныя линіи. Излагая эти предметы, авторъ старается преимущественно дать читателю понятіе о сущности каждаго изъ нихъ и о вліяніи ихъ на самыя военныя дѣйствія, основывая, по возможности, свои умозаключенія на историческихъ фактахъ.

Переходя къ изложенію самыхъ дѣйствій, сочинитель полагаетъ, что война вообще, въ соотношеніи съ политически-

ми причинами, можетъ быть раздѣлена на два главные рода: на войну, когда имѣется въ виду важная цѣль и ведутся рѣшительныя дѣйствія, и на войну, въ которой обѣ противныя стороны не ищутъ ни важной цѣли, ни рѣшительныхъ дѣйствій. Эти два рода войнъ, по мнѣнію самаго Клаузевица, не что иное, какъ двѣ противоположныя крайности (полюсы), между которыми можетъ существовать безчисленное множество случаевъ или отѣнковъ, и каждый изъ нихъ потребуетъ особеннаго измѣненія въ образѣ дѣйствій.

Разсматривая потомъ оборонительныя дѣйствія, Генераль Клаузевицъ не ограничивается изложеніемъ какого либо одного способа обороны: онъ говоритъ о главнѣйшихъ, употребленныхъ въ дѣйствительныхъ войнахъ; показываетъ выгоды и неудобства, сопряженныя съ каждымъ изъ этихъ способовъ; объясняетъ вліяніе на cadaго изъ нихъ, различныхъ стра-

тегическихъ элементовъ и средствъ, и наконецъ показываетъ читателю, какое именно стеченіе обстоятельствъ можетъ заставить насъ избрать одну изъ системъ обороны и предпочесть ее другимъ системамъ. Всѣ эти разсужденія авторъ основываетъ преимущественно на историческихъ фактахъ.

Генераль Клаузевицъ имѣлъ намѣреніе разсмотрѣть подобнымъ образомъ и наступательныя дѣйствія, но эта часть сочиненія, по причинѣ смерти автора, осталась неокончанною.

Изъ этого краткаго обзора видна обширность предположеннаго Клаузевицемъ плана. Кажется, что онъ хотѣлъ ввести въ свое сочиненіе, какъ части въ цѣлое, всѣ прежнія системы, основанныя на одномъ какомъ либо отдѣльномъ элементѣ, и этимъ опредѣлить не самый образъ военныхъ дѣйствій, но одни лишь основанія, которыя должны служить на-

чалами для соображенія. Разсмотрѣніе же самыхъ дѣйствій, сочинитель, какъ кажется, хотѣлъ сдѣлать совершенно независимымъ отъ всѣхъ системъ и правилъ, и представить болѣе практическимъ образомъ, соображая для этого вліяніе всѣхъ средствъ и элементовъ.

Хотя планъ и ходъ изложенія, принятые Клаузевицемъ, дѣйствительно кажутся самыми лучшими къ изслѣдованію сущности Стратегіи и полезнѣйшими въ практическомъ отношеніи; но нельзя не замѣтить, что исполненіе этого плана весьма несовершенно въ сравненіи съ цѣлію автора, и потому сочиненіе его, не смотря на многія важныя достоинства, есть не что иное, какъ первый шагъ на обширномъ поприщѣ, открытомъ талантами сочинителя.

Сообразно съ основною мыслію Клаузевица ограничиваться одними разсужденіями, избѣгая всѣхъ положительныхъ

наставленій, кажется, не должны встрѣчаться въ его сочиненіи никакія безусловныя правила для дѣйствій. Однако же мы видимъ, что авторъ не только предложилъ нѣкоторые подобныя правила, но представилъ одно изъ нихъ въ видѣ основанія всей Стратегіи. Это правило слѣдующее: *всѣ соображенія Полководца должны имѣть главнымъ предметомъ бой, который есть единственное средство къ достиженію цѣли войны.* Очевидно, что это правило то же самое, на которомъ основаны главные выводы Генерала Жюмини; что оно ведетъ неминуемо къ теоретической системѣ, основанной, почти исключительно, на одномъ матеріальномъ элементѣ, и потому явно противорѣчитъ и основному плану автора и многимъ другимъ его мыслямъ, изложеннымъ сообразно съ этимъ планомъ. Разсмотримъ подробнѣе, въ чемъ именно заключаются эти противорѣчія.

Пока сочинитель разсматриваетъ отдѣльно элементы и средства войны, онъ не упускаетъ изъ вида предложеннаго имъ правила, и потому старается, по возможности, представить всѣ предметы въ зависимости отъ главнаго дѣйствователя — боя, или, говоря другими словами, старается во всякомъ случаѣ показать второстепеннымъ вліяніе этихъ предметовъ на соображенія. Напримѣръ: сказавъ въ немногихъ словахъ о вліяніи мѣстности, Клаузевицъ умалчиваетъ почти о всѣхъ главнѣйшихъ мысляхъ Эрцъ-Герцога Карла, показывающихъ ея важное вліяніе на стратегическія соображенія; говоря о дѣйствіяхъ на коммуникаціи, авторъ изъясняетъ, что эти дѣйствія никогда не могутъ вести къ важнымъ результатамъ и служатъ только вспомогательными средствами.

Потомъ разсматривая оборону и излагая, сообразно своему плану, ея глав-

нѣйшіе способы, употребляемые въ дѣйствительныхъ войнахъ, онъ признаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма полезнымъ отступленіе во внутренность своего Государства, подобное отступленію Русскихъ въ 1812 году и Веллингтона въ Португаліи, противъ Массены. Авторъ присовокупляетъ, что этимъ способомъ, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, можно довести непріятеля до такого истощенія силъ, что онъ принужденъ будетъ, не вступая въ дѣйствительное сраженіе, отказаться отъ своей цѣли.

Далѣе разсматривая лучший образъ дѣйствій въ войнѣ, гдѣ ни одинъ изъ противниковъ не имѣетъ въ виду рѣшительной цѣли, авторъ основывается на многихъ историческихъ событіяхъ, и выводитъ заключеніе: что въ такихъ войнахъ дѣйствія на сообщенія имѣли первенствующую важность, а сраженія дѣлались предметами второстепенными.

Столь очевидная противоположность вывода изъ дѣйствительныхъ войнъ съ правиломъ, принятымъ за основаніе всей Стратегіи, не могла ускользнуть отъ вниманія самого автора. По смерти Генерала Клаузевица, нашли въ его бумагахъ собственноручное замѣчаніе, въ которомъ поясняется, что онъ подъ словомъ *бой* разумѣлъ, не только непосредственное дѣйствіе оружіемъ, но и тѣ случаи, гдѣ бой, хотя и не происходилъ въ дѣйствительности, но былъ возможнымъ, или *тѣ* даже, гдѣ одинъ изъ противниковъ, ослабленный какими бы то ни было средствами, — видя невозможность успѣха, — избѣгаетъ сраженія. Но ежели мы примемъ въ столь обширномъ смыслѣ слово *бой*, то неоспоримо, что основное правило сочинителя превратится въ слѣдующую, никакого опредѣлительнаго наставленія не заключающую, аксіому: «всѣ соображенія должны имѣть цѣлію ослаблять или

истреблять, какими бы то ни было способами, силы противника и лишать его средствъ къ защитѣ.» Теперь спрашивается, уничтожилъ ли сочинитель, измѣнивъ такимъ образомъ смыслъ основнаго правила, вышеупомянутыя противорѣчія? Мы отвѣчаемъ: нѣтъ; ибо, измѣняя такимъ образомъ смыслъ основанія, онъ долженъ былъ передѣлать всю часть сочиненія, бывшую выводомъ или слѣдствіемъ этого основанія, въ первобытномъ его смыслѣ.

Изъ немногихъ другихъ правилъ, предлагаемыхъ авторомъ за безусловныя, важнѣйшее есть слѣдующее: что стратегическіе обходы и стратегическія фланговые позиціи могутъ быть полезны только тогда, когда мы превосходимъ непріятеля въ силахъ, или когда наша операціонная линія, по направленію своему, имѣетъ, такъ сказать, поверхность надъ операціонною линіею противника. Хотя сіе

правило справедливо для большей части случаевъ, но за постоянное и безусловное принято быть не можетъ. Наполеонъ въ 1806 году, дѣлая знаменитое движеніе для обхода Прусской арміи, увѣнчанное столь блестящимъ успѣхомъ, не имѣлъ ни значительнаго перевѣса въ силахъ, ни выгодъ относительно направленія операціонныхъ линій; ибо, войдя въ пространство между Прусскою арміею и Богемскими горами, онъ поставилъ себя въ положеніе совершенно подобномъ положенію Прусскихъ войскъ, и потому, въ сраженіи подъ Іеною (подобно противникамъ своимъ) имѣлъ линію отступленія на лѣвомъ флангѣ своей арміи.

Кромѣ этихъ правилъ, въ сочиненіи Клаузевица встрѣчаются еще нѣкоторыя другія, изложенныя въ видѣ безусловныхъ наставленій; но они относятся къ частнымъ случаямъ и маловажны въ сравненіи съ тѣми, которыя были нами раз-

смотрѣны; а потому, не останавливаясь на нихъ, заключимъ статью о книгѣ Клаузевица слѣдующими общими выводами:

По общему плану сочиненія, оно имѣетъ преимущество предъ всѣми другими; кромѣ того и во многихъ отношеніяхъ оно представляетъ важныя достоинства: но имѣетъ и весьма значительные недостатки: 1) предложеніе нѣкоторыхъ безусловныхъ правилъ, несогласныхъ съ главною мыслию сочиненія; 2) мысли иногда болѣе умозрительныя, нежели практически полезныя и 3) иногда даже мысли, подлежащія сомнѣнію.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Разсмотрѣвъ всѣ замѣчательнѣйшія по части Стратегіи сочиненія, мы можемъ легко представить себѣ постепенный ходъ и развитіе этой науки. Каждый изъ первыхъ писателей основывалъ свою систему и свои правила, на одной какой либо господствующей мысли, или на одномъ элементѣ, и обыкновенно на томъ, которому современныя событія давали первенствующую важность. Такъ главнымъ основаніемъ системъ Лойда, Бюлова и Ронья служила мысль, что успѣхъ войны преимущественно зависитъ отъ охраненія соб-

ственныхъ сообщеній и отъ дѣйствій на сообщенія противника; Генераль Жоини основалъ все свои правила единственно на зависимости успѣха отъ рѣшительныхъ тактическихъ дѣйствій или сраженій; наконецъ, Эрцъ-Герцогъ Карлъ принялъ основаніемъ своей системы мнѣніе, что успѣхъ зависитъ преимущественно отъ искуснаго примѣненія военныхъ соображеній къ мѣстности.

Такое разнообразіе основаній должно было произвести и разнообразіе въ выводахъ и правилахъ; но не смотря на то, каждый изъ названныхъ писателей предлагалъ свои правила, какъ безусловное и общее руководство при всѣхъ обстоятельствахъ.

За этими писателями послѣдовалъ рядъ другихъ авторовъ, которые, посредствомъ свода, соединенія и пополненія прежнихъ правилъ, старались создать новыя, улучшенныя системы Стратегіи.

Наконецъ явился третій рядъ писателей, который, имѣя главою Наполеона, заключается Клаузевицемъ. Мысль, что теорія Стратегіи невозможна, и замѣтное стремленіе къ уменьшенію числа постоянныхъ правилъ для военныхъ дѣйствій, безъ опредѣлительнаго признанія невозможности этихъ правилъ, вотъ главные общія черты сочиненій этихъ авторовъ.

Таковъ былъ ходъ Стратегіи; и иначе быть не могло. Тоже самое представляетъ намъ Исторія всѣхъ практическихъ наукъ, которыя, подобно Стратегіи, имѣли основаніемъ начала, подверженныя измѣненіямъ или, которыхъ общая теорія, по многочисленности началъ этихъ, невозможна. Сперва возникаютъ многія различныя теоретическія системы; потомъ, является желаніе исправить недостатки этихъ системъ соединеніемъ и слитіемъ въ одно цѣлое; наконецъ рождается убѣжденіе въ малой пользѣ всѣхъ этихъ по-

кушеній, и мысль, что общая теорія невозможна. Какъ доказательство, приведемъ въ примѣръ Медицину. Сколько системъ различныхъ и даже противоположныхъ являлись въ ней? Сколько было стараній согласить эти противурѣчія и свести всѣ правила въ одно общее цѣлое? И что было наконецъ слѣдствіемъ этихъ покушеній? Мнѣніе, почти единогласно принятое всѣми искуснѣйшими и чуждыми предразсудковъ врачами, что лѣченіе болѣзней не возможно подчинить одной какой либо общей теоретической системѣ.

Разсматривая отдѣльно стратегическія сочиненія, мы старались, въ первыхъ двухъ главахъ нашего разбора, доказать, что предложенныя различными военными писателями теоріи не могутъ безусловно служить руководствомъ для самыхъ дѣйствій. Упомянувъ въ началѣ 3-й главы, что самъ Наполеонъ полагалъ невозможнымъ изложить Стратегію въ видѣ теоре-

тической науки, то есть изучиться теоретически искусству вести войну, мы показали, что этому мнѣнію послѣдовали и всѣ новѣйшіе сочинители. Притомъ мысль, о невозможности опредѣлительной теоріи Стратегіи, (то есть, такой теоріи, которая могла бы служить руководствомъ для дѣйствій), нынѣ сдѣлалась у военныхъ людей, почти общою; а потому, считая лишнимъ подтверждать ея справедливость другими какими либо доводами, *мы принимаемъ мысль эту за аксіому*, присовокупивъ при этомъ, что подобное отверженіе теоріи должно считать не обратнымъ шагомъ на поприщѣ науки, но напротивъ шагомъ, приблизившимъ насъ къ совершенству. Всѣ покушенія создать теоретическія системы произошли, какъ мы думаемъ, единственно отъ неясныхъ понятій о Стратегіи, а признаніе невозможности опредѣлительной теоріи показываетъ, что, въ наше время, начали луч-

ше, нежели когда либо, понимать сущность науки.

Если бы этимъ выводомъ мы окончили наше разсужденіе, то вѣроятно оно не нашло бы много противниковъ, относительно общаго результата, а могло подвергнуться только противурѣчіямъ въ частности; но мы считаемъ необходимымъ присовокупить, въ видѣ аксіомы, еще одно предложеніе. Оно заключается въ слѣдующемъ: *что постоянныя, безусловныя правила для самыхъ дѣйствій существовать не могутъ.*

Хотя мысль эта не нова, но досель никѣмъ изъ сочинителей не была предлагаема; одни защитники невѣжества пользовались ею для доказательства бесполезности стратегическихъ познаній. Мы уже видѣли, что извѣстнѣйшіе военные писатели были противнаго мнѣнія, и у каждаго изъ нихъ мы встрѣчали болѣе

или менѣ постоянныхъ, безусловныхъ правилъ для военныхъ дѣйствій.

Для ясности мы сперва опредѣлимъ точный смыслъ предлагаемой нами аксіомы, а потомъ уже изложимъ причины, заставившія насъ принять ее.

Говоря, что безусловныя правила для самыхъ дѣйствій существовать не могутъ, мы разумѣемъ здѣсь только правила, въ которыхъ заключаются опредѣлительныя наставленія *какъ именно дѣйствовать*, и слѣдовательно только тѣ, которыя имѣютъ, такъ сказать, цѣлю замѣнять собственныя соображенія Полководца: не включая отнюдь, ни правила, объясняющія свойство какого либо стратегическаго элемента или средства, *отдѣльно взятаго*, ни тѣ, которыя показываютъ вліяніе одного элемента на другой, или на самыя военныя дѣйствія. Эти послѣднія правила не толь-

ко возможны, но, по нашему мѣнью, составляютъ одну изъ существенныхъ частей Стратегіи.

Не должно упускать изъ вида это важное различіе между одними и другими правилами; оно необходимо для яснаго понятія о сущности Стратегіи. Недовлетворительность стратегическихъ сочиненій и противурѣчія, въ нихъ встречающіяся, произошли преимущественно отъ того, что сочинители смѣшивали, или, по крайней мѣрѣ, недовольно рѣзко различали сіи два рода правилъ, столь различные и по сущности и по цѣли своего назначенія.

Для доказательства, какъ они различны и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ вредно смѣшивать ихъ, возьмемъ въ примѣръ слѣдующіе случаи:

1) Разсматривая мѣстность, какъ отдѣльный стратегическій элементъ, мы находимъ, что нѣкоторые пункты, по свой-

ствамъ своимъ, выгоднѣе другихъ; изъ этого неоспоримо могутъ быть выведены правила, (напримѣръ: что важнѣйшіе по мѣстности стратегическіе пункты тѣ, на коихъ сосредоточивается бѣльшее число дорогъ, и т. п.); но всѣ подобныя правила опредѣляютъ единственно вліяніе мѣстности, разсматриваемой отдѣльно отъ вліянія всѣхъ другихъ стратегическихъ элементовъ, и только въ этомъ смыслѣ могутъ быть дѣйствительно постоянными и безусловными. Коль скоро изъ нихъ мы сдѣлаемъ безусловныя правила для самыхъ дѣйствій, и скажемъ напр. *что должно всегда направлять силы на важнѣйшій по мѣстности стратегическій пунктъ, или что должно такой пунктъ охранять преимущественно предъ всеми прочими*, то явно смѣшаемъ оба рода правилъ, и превратимъ *ошибочно* въ руководство для дѣйствій то, что выражало только свойство одного отдѣльнаго

стратегическаго элемента: мы говоримъ, *ошибочно*, потому, что основывать военныя дѣйствія на свойствахъ одного элемента, значитъ упускать изъ вида вліяніе всѣхъ другихъ обстоятельствъ;—такъ въ разсмотрѣнномъ нами случаѣ, значило бы соображать военныя дѣйствія съ одною только мѣстностію, не обращая вниманія, ни на политическія обстоятельства, ни на расположеніе непріятельскихъ силъ, ни на средства для продовольствія, и т. п. Часто соображеніе всѣхъ этихъ послѣднихъ обстоятельствъ заставляетъ насъ направляться совсѣмъ не на тотъ пунктъ, который избрали бы мы предметомъ дѣйствій, соображаясь съ свойствами одной только мѣстности.

2) Разсматривая вліяніе мѣстности театра войны на составъ войска, можно безошибочно сказать: *гдѣмъ открытѣе и ровнѣе мѣстность, тѣмъ выгоднѣе имѣть въ арміи по соразмѣрности*

большее число кавалеріи. Это правило останется безусловнымъ и неподверженнымъ сомнѣнію, пока будетъ выражать одно вліяніе мѣстности на составъ войска. Но коль скоро сдѣлаемъ изъ него правило для дѣйствій и скажемъ: *что должно всегда придавать дѣйствующей арміи тѣмъ болѣе кавалеріи, чѣмъ мѣстность театра войны открыта и ровна*, то правило это потеряетъ немедленно общепримѣняемость свою; ибо очевидно, что невозможно всегда соображать составъ арміи съ одною только мѣстностію, а должно принимать въ расчетъ и другія стратегическія обстоятельства, какъ наприм. средства для продовольствія лошадей; составъ непріятельской арміи и проч. Соображеніе этихъ обстоятельствъ часто можетъ заставить дать арміи малое число конницы, хотя, по соображенію только съ мѣстностію, требовалось бы имѣть значительное число сего рода войска.

Довольно этихъ примѣровъ для объясненія, сколь важно различіе между обоими родами правилъ, и для убѣжденія въ томъ: 1) что опроверженіе возможности правилъ для дѣйствій отнюдь не опровергаетъ возможность правилъ, опредѣляющихъ свойство одного какого либо отдѣльнаго элемента; 2) что эти послѣднія правила остаются безусловными, какъ выраженіе свойствъ или вліянія того элемента, къ которому относятся; но теряютъ эту безусловность, какъ примѣненіе къ самымъ дѣйствіямъ.

Сличеніе этихъ мыслей съ тѣми, которыя мы изложили при разборѣ стратегическихъ системъ, показываетъ ясно, что различные сочинители бѣльшею частію предлагаютъ безусловнымъ руководствомъ для военныхъ дѣйствій не что иное, какъ правила, выражающія только свойство или вліяніе одного какого нибудь элемента, отдѣльно взятаго. Притомъ же

авторы, оспоривая одинъ другаго, большею частію опровергаютъ правила эти безусловно, вмѣсто того, чтобы отвергать только всеобщность примѣненія ихъ къ дѣйствіямъ, и признавать, между тѣмъ, ихъ пользу относительно опредѣленія свойствъ стратегическихъ элементовъ. Естественнo, что подобное смѣшиваніе двухъ совершенно различныхъ понятій, весьма важныхъ для ясности науки, затемняло ее и подало поводъ къ безчисленнымъ разногласіямъ и спорамъ.

Перейдемъ теперь къ изложенію причинъ, заставившихъ насъ отвергнуть возможность безусловныхъ правилъ для самыхъ дѣйствій.

Мы видѣли, какъ по мѣрѣ развитія Стратегіи и приведенія въ бѣольшую ясность понятій о сущности этой науки, авторы начали постепенно уменьшать число предлагаемыхъ ими безусловныхъ пра-

вилъ для дѣйствій; у новѣйшихъ писателей встрѣчаемъ весьма не много такихъ правилъ; у Наполеона,—не болѣе двухъ, и тѣ, какъ намъ кажется, представлены имъ въ смыслѣ не совсѣмъ безусловномъ. Это обстоятельство, хотя и не служитъ прямымъ доказательствомъ нашего предложенія, но можетъ отчасти подать поводъ къ заключенію, что, при дальнѣйшемъ развитіи Стратегіи, уничтожатся всѣ подобныя правила.

Разбирая отдѣльно главнѣйшія правила для дѣйствій, предложенныя различными сочинителями, мы доказали, что ни одно изъ нихъ не можетъ быть принято какъ безусловное. Это доказывали мы не отвлеченными умствованіями, но приведеніемъ въ примѣръ случаевъ, гдѣ очевидно оказалось неудобнымъ и даже вреднымъ слѣдовать неизмѣнно данному правилу. Этотъ выводъ уже гораздо важ-

нѣе предъидущаго; но и онъ могъ бы показаться инымъ читателямъ еще не вполне достаточнымъ для опроверженія возможности безусловныхъ правилъ для военныхъ дѣйствій, а потому для доказательства нашего предложенія, мы приведемъ еще слѣдующіе два довода, основанные на изслѣдованіи самой сущности Стратегіи. Они намъ кажутся весьма убѣдительны.

1) Безъ сомнѣнія, каждое искусное дѣйствіе должно быть основано на соображеніи всѣхъ главнѣйшихъ стратегическихъ средствъ и элементовъ; число этихъ элементовъ значительно, а степень вліянія каждаго изъ нихъ, смотря по обстоятельствамъ, непрерывно измѣняется. Но съ измѣненіемъ этого вліянія, измѣняются и начала, на которыхъ должны быть основаны самыя соображенія, и это дѣлаетъ невозможнымъ эти соображенія подчинить постояннымъ и безусловнымъ правиламъ:

для этого нужны были бы начала *твердыя* и *непремѣнныя*. Не Стратегіи одной исключительно принадлежит такое свойство: оно общее всѣмъ наукамъ и искусствамъ, ей подобнымъ многочисленностію и измѣняемостію своихъ началъ. Такъ и въ Медицинѣ не могутъ существовать правила, къ постоянному и безусловному руководству для леченія всѣхъ возможныхъ болѣзней.

2) Принявъ за аксіому, что опредѣлительная теорія Стратегіи невозможна, должно, кажется намъ, признать и невозможность безусловныхъ, постоянныхъ правилъ для военныхъ дѣйствій; ибо съ пріисканіемъ, хотя одного только, такого правила, мы бы получили довольно прочное основаніе, для вывода многихъ, зависящихъ отъ него, частныхъ правилъ и могли бы составить опредѣлительную теорію Стратегіи. Такъ, въ нѣкоторыхъ изъ разсмотрѣнныхъ нами сочиненій, мы

видѣли, что довольно одного, общаго основнаго правила для сооруженія на немъ цѣлой теоретической системы. Самые недостатки этихъ сочиненій заключаются не въ малой логической связи между основаніями системъ и выведенными изъ нихъ частными правилами, но единственно въ томъ, что самыя основанія были ошибочно приняты за непремѣнныя и безусловныя.

Изложивъ причины, на которыхъ мы основали наше мнѣніе, постараемся рассмотреть и, по возможности, опровергнуть доводы, на которыхъ долгое время сочинители системъ опирались, доказывая необходимость нѣкоторыхъ постоянныхъ правилъ для дѣйствій. Вотъ преимущественно въ чемъ они заключались :

1) «Трудно и даже почти невозможно предположить, чтобы искусныя дѣйствія всѣхъ великихъ Полководцевъ, не основываясь ни на какихъ постоянныхъ пра-

вилахъ, были бы слѣдствіемъ одного случая, ибо дѣйствовать безъ правилъ значить не что иное, какъ дѣйствовать на удачу.

2) «Ежели Стратегія не заключаетъ никакихъ постоянныхъ правилъ для дѣйствій, то ея изученіе совершенно бесполезно и, въ такомъ предположеніи, теоретическое приготовленіе не нужно для образованія искуснаго Полководца: ему достаточно однихъ природныхъ дарованій.»

Не трудно отвѣчать на первое возраженіе, основанное на ложной мысли, что безъ соблюденія постоянныхъ правилъ, невозможно дѣйствовать искусно, или, говоря другими словами, нельзя дѣйствовать иначе, какъ на удачу.

По нашему мнѣнію, тотъ, кто основываетъ каждое свое дѣйствіе на новомъ, глубокомъ соображеніи всѣхъ средствъ и обстоятельствъ, дѣйствуетъ гораздо искуснѣе и ввѣряется менѣе слѣпой удачѣ, не-

жели тотъ, кто, несмотря ни на какое измѣненіе обстоятельствъ, постоянно слѣдуетъ единожды навсегда принятымъ правиламъ.

Если бы даже возможно было неизмѣнно слѣдовать какимъ нибудь правиламъ, заимствованнымъ изъ теоріи или изъ Военной Исторіи, то искусство Полководца сдѣлалось бы легко и доступно почти каждому. Генералъ, съ самыми посредственными дарованіями, изучивъ эти немногія правила, и пріобрѣвъ собственнымъ опытомъ нѣкоторый навыкъ примѣненія ихъ, стоялъ бы наряду съ величайшими Полководцами. Искусные военачальники являлись бы часто; но мы видимъ противное: они являются вѣками.

Нѣтъ сомнѣнія, что слѣдованіе въ точности какимъ либо изученнымъ правиламъ, не есть средство къ достиженію высокой степени искусства; оно чаще ведетъ къ одной посредственности, и полез-

но только людямъ, для которыхъ положительное руководство необходимо, чтобы замѣнить недостатокъ собственныхъ дарованій. Но и эта маловажная выгода можетъ быть полезна для нихъ тогда только, когда и противники ихъ, не имѣя талантовъ, будутъ слѣдовать, какъ и они, постояннымъ руководствамъ. Весьма опасно было бы дѣйствовать по постояннымъ правиламъ противъ искуснаго Полководца; разгадавъ однажды эти правила, онъ будетъ въ состояніи почти всегда предугадывать наши планы, и получить средство не только уничтожить ихъ, но и обратить во вредъ противнику.

Всѣ великіе Полководцы были истинно великими, именно потому, что не основывали свои дѣйствія на заблаговременно предначертанныхъ правилахъ, но единственно на искусномъ соображеніи всѣхъ средствъ и обстоятельствъ, имѣющихъ вліяніе на военныя дѣйствія. Потому каж-

дый изъ великихъ Полководцевъ имѣлъ собственную Стратегію, или, другими словами, всѣ дѣйствія такихъ военачальниковъ носили отпечатокъ ихъ времени и обстоятельствъ.

Перейдемъ ко второму возраженію: что не нужно учиться Стратегіи, если въ ней нѣтъ опредѣлительныхъ правилъ для дѣйствій, и что, въ такомъ случаѣ, достаточно однихъ природныхъ дарованій, чтобы сдѣлаться искуснымъ Полководцемъ.

Обратимся для примѣра снова къ Врачебному Искусству. Если бы кто утверждалъ, что для этаго Искусства познанія бесполезны, потому, что невозможно ни свести леченіе болѣзней въ одну общую систему, ни подчинить его постояннымъ безусловнымъ правиламъ; то подобная мысль показалась бы смѣшною всѣмъ, и каждый вѣроятно бы отвѣчалъ: »что во всякомъ случаѣ, для искуснаго

леченія, необходимо знать Анатомію, свойства человѣческаго тѣла, дѣйствія различныхъ лекарствъ и проч., словомъ, что изученіе всѣхъ предметовъ, составляющихъ сущность Медицины, остается необходимымъ, несмотря на отверженіе постоянныхъ правилъ для леченія болѣзней.»

Къ этому можно еще прибавить, что тотъ, кто, подобно Доктору Санградо въ Жилблазѣ,—будетъ лечить всѣхъ своихъ больныхъ по одному какому либо постоянному правилу, скорѣе можетъ обойтись безъ познаній, чѣмъ тотъ, кто, для каждаго случая, приискиваетъ новыя соображенія и долженъ припоминать многоразличныя свои познанія, чтобы на нихъ основать способъ леченія.

Сказанное нами о Медицинѣ, можно примѣнить и ко всѣмъ наукамъ и искусствамъ, недопускающимъ въ практикѣ употребленія постоянныхъ правилъ; но

для краткости, ограничимся однимъ еще только примѣромъ. Чтобы убѣдить, что все нами сказанное, столь же справедливо въ отношеніи къ малозначущимъ искусствамъ, сколько и въ отношеніи къ важнѣйшимъ наукамъ, мы изберемъ предметъ маловажный и къ одному удовольствію служащій — игру въ шахматы. Известно, что играть въ шахматы невозможно по какимъ либо постояннымъ и безусловнымъ правиламъ и что каждая игра, каждый даже случай, требуютъ новыхъ соображеній; несмотря на то, нельзя приступить къ этой игрѣ безъ предварительнаго пріобрѣтенія нѣкоторыхъ необходимыхъ познаній, то есть, не узнавъ ходовъ, свойствъ фигуръ и правилъ, которымъ онѣ подвержены, — однимъ словомъ — не ознакомясь съ началами, на которыхъ должны быть основаны самыя соображенія.

Кто думаетъ, что Стратегія не подлежитъ подобному закону, и что, съ уничтоженіемъ правилъ для дѣйствій, ничего не остается для изученія,—тотъ ошибается. Это ложное мнѣніе могло родиться преимущественно отъ замѣченнаго уже нами смѣшиванія правилъ для дѣйствій съ правилами, опредѣляющими свойства и вліяніе отдѣльныхъ элементовъ, т. е. отъ смѣшиванія самыхъ соображеній съ началами, на которыхъ соображенія должны быть основаны.

Нѣтъ сомнѣнія, что стратегическія соображенія, подобно соображеніямъ всѣхъ вообще наукъ и искусствъ, не могутъ быть произвольны, а должны быть основаны на нѣкоторыхъ извѣстныхъ данныхъ, или началахъ. Кто не знаетъ этихъ началъ, тому и недоступны искусныя соображенія. Начала Стратегіи заключаются въ познаніи свойствъ всѣхъ стратегическихъ элементовъ и средствъ, въ

оцѣнкѣ взаимнаго ихъ вліянія, и въ изслѣдованіи важности каждаго отдѣльнаго элемента, въ отношеніи къ самымъ военнымъ дѣйствіямъ. Кто сомнѣвается въ томъ, что каждый Полководецъ долженъ изучить: «свойства мѣстности въ стратегическомъ отношеніи, т. е. выгоды и неудобства, происходящія отъ вліянія различныхъ мѣстныхъ предметовъ, какъ-то: горъ, дорогъ, рѣкъ и проч.; признаки, по коимъ можно отличить важнѣйшіе мѣстные пункты театра войны; вліяніе, оказываемое различными родами мѣстности, на общій планъ военныхъ дѣйствій, на расположеніе базиса, на выборъ операционныхъ линій и на различные другія частныя стратегическія соображенія?» Онъ обязанъ знать: «свойства, которыя долженъ имѣть хорошій базисъ, выгоды и невыгоды, происходящія отъ большей или меньшей величины его, и

отъ разлічнаго его направленія; вліяніе базиса на другіе стратегическіе элементы и средства, какъ-то: на выборъ операціонныхъ линій и предмета дѣйствій, на охраненіе коммуникаціонныхъ линій». Ему должны быть извѣстны: «разлічныя средства для обезпеченія собственныхъ сообщеній и для дѣйствія на непріятельскія; выгоды и недостатки сихъ средствъ; разлічныя выгоды доставляемыя крѣпостями; вліяніе мѣстности и цѣли крѣпостей на расположеніе ихъ». Не менѣе для него важно основательное познаніе: «выгодъ и недостатковъ разлічныхъ способовъ продовольствія войскъ и вліянія, которое могутъ они оказывать на военныя дѣйствія; выгодъ и неудобствъ, происходящихъ отъ разлічнаго расположенія войскъ, какъ-то: совокупнаго и раздѣленнаго на части, и отъ разлічнаго направленія операціонныхъ линій, какъ-

то: концентрическаго и эксцентрическаго, внутренняго, наружнаго», и т. п.

Исчисливъ такимъ образомъ часть познаній, необходимыхъ для каждаго, желающаго искусно управлять войскомъ, мы не хотѣли обнять въ цѣлости эти познанія, но только желали убѣдить читателя, что, и при исключеніи опредѣлительныхъ правилъ, остается въ Стратегіи еще много предметовъ для изученія. Впрочемъ, не довольствуясь и этимъ результатомъ, постараемся доказать, что свѣдѣнія, которыя мы полагаемъ нужными, въ цѣломъ объемѣ своемъ, несравненно обширнѣе тѣхъ, которыя изложены въ какой либо изъ существующихъ нынѣ учебныхъ книгъ Стратегіи.

Въ бѣльшей части этихъ сочиненій, какъ мы видѣли, изложены свойства и вліяніе одного только элемента и весьма мало обращено вниманія на всѣ остальные: слѣдовательно, каждая изъ этихъ

книгъ содержитъ одну только часть тѣхъ свѣдѣній, которыя должны войти въ объемъ Стратегіи. Въ одномъ только твореніи Клаузевица, — авторъ имѣлъ въ виду изложить свойства и вліяніе всѣхъ стратегическихъ элементовъ и средствъ; но мы замѣтили, что и это сочиненіе недостигло предположенной цѣли, и потому не можетъ собою замѣнить всѣ прочія. И такъ ясно, что свѣдѣнія по части Стратегіи должно извлекать изъ многихъ сочиненій; напримѣръ, изъ сочиненія Эрцъ-Герцога Карла, должно почерпнуть главнѣйшія свѣдѣнія: о свойствахъ мѣстности въ стратегическомъ отношеніи; о признакахъ важнѣйшихъ мѣстныхъ пунктовъ; о вліяніи мѣстности на военныя дѣйствія;—изъ сочиненій Генерала Жюмини свѣдѣнія: о важности числительнаго (матеріальнаго) перевѣса въ силахъ; о лучшихъ способахъ пріобрѣтать такой перевѣсъ на важнѣйшихъ

пунктахъ театра войны; о признакахъ рѣшительныхъ маневрныхъ пунктовъ; — изъ сочиненій Лойда, Бюлова, Эрцъ-Герцога Карла, Ронъа, Клаузевица необходимо будетъ почерпнуть свѣдѣнія о базисѣ, средствахъ могущихъ служить къ обезпеченію собственныхъ сообщеній и къ дѣйствию на непріятельскія, и проч.

Если бы мы продолжали указывать такимъ образомъ, гдѣ почерпать свѣдѣнія, то читатель ясно бы увидѣлъ, что въ составъ требуемыхъ нами свѣдѣній вошла бы значительная часть предметовъ и мыслей, заключающихся во всѣхъ лучшихъ сочиненіяхъ о Стратегіи. Должно было бы только исключить, во первыхъ: мысли, которыя будучи плодомъ теоретическихъ умствованій, не имѣютъ основаній своихъ въ Военной Исторіи, и во вторыхъ: всѣ безусловныя правила для самыхъ дѣствий. Но и эти послѣднія болѣею частію могутъ быть превраще-

ны въ правила, выражающія какое нибудь свойство или вліяніе отдѣльнаго стратегическаго элемента; представленныя въ такомъ видѣ и они сдѣлались бы свѣдѣніями полезными и необходимыми. Напримѣръ, правило: *избирать во всякомъ случаѣ предметомъ для дѣйствій важнѣйшій по мѣстности стратегической пунктъ*, превратилось въ слѣдующее: *если требуется опредѣлить предметъ дѣйствій, по соображенію одной только мѣстности театра войны, устраняя мысленно вліяніе всѣхъ прочихъ обстоятельствъ: то должно избрать, важнѣйшій мѣстный стратегической пунктъ*. Правило: *что линіи внутреннія во всѣхъ случаяхъ выгоднѣе наружныхъ*, превратилось бы въ слѣдующее: *При соображеніи однихъ только выгодъ скорѣйшаго сосредоточенія силъ и устраненій, мысленно, вліянія всѣхъ прочихъ обстоятельствъ,*

дѣйствовать внутренними линіями выгоднѣе, чѣмъ наружными.

И такъ, признавъ невозможность теоріи и постоянныхъ правилъ для самыхъ дѣйствій, мы не только не уменьшимъ, но увеличимъ объемъ предметовъ, подлежащихъ изученію. Нѣтъ сомнѣнія, что познаніе всѣхъ этихъ предметовъ пріобрѣтается книжнымъ изученіемъ; но оно доступно и долговременной опытности, соединенной съ наблюденіемъ и прозорливостью. Всего лучше соединить эти два средства. Допускать же, что можно искусно управлять арміями безъ предварительныхъ познаній (то есть: безъ основательнаго изученія сущности и свойствъ элементовъ, долженствующихъ служить основаніями для военныхъ соображеній), столь же неосновательно, сколько странно, предполагать, что возможно искусно играть въ шахматы, не зная ходовъ и свойствъ фигуръ, или хорошо лечить, не изучивъ

устройство и свойства человеческого тѣла и дѣйствій различныхъ лекарствъ.

Показавъ необходимость предварительныхъ познаній, мы, для устраненія всякаго недоразумѣнія, не излишнимъ считаемъ повторить: что, не смотря на свою обширность, эти познанія *составляютъ только необходимыя начала для дѣйствій, или, такъ сказать, матеріалы для соображеній, но отнюдь не могутъ служить руководствомъ для самихъ дѣйствій.* Такъ и въ шахматной игрѣ: чтобъ играть, необходимо знаніе ходовъ фигуръ, но оно ни сколько не достаточно для искуснаго распоряженія самою игрою.

Чтобъ пояснить эту мысль, приведемъ примѣръ. Положимъ, что Полководцу предстоитъ выборъ главнаго предмета дѣйствій. Разсматривая отдѣльно вліяніе мѣстности театра войны, можетъ быть, онъ найдетъ, что пунктъ *а* есть самый выгод-

ный; рассматривая расположеніе непріятельскихъ силъ, окажется, что въ этомъ отношеніи выгоднѣе дѣйствовать на пунктъ *b*; рассматривая наконецъ политическую цѣль войны, средства для продовольствованія, или средства для обезпеченія своихъ сообщеній и проч., Полководецъ найдетъ, можетъ быть, что выгоднѣе направляться къ пунктамъ *e*, *d* или *f*. Чтобы все это опредѣлить, ему необходимы тѣ предварительныя свѣдѣнія, которыя мы требуемъ и которыя показываютъ вліяніе каждаго стратегическаго средства и элемента, отдѣльно взятаго, на военныя дѣйствія; но ихъ еще недостаточно, чтобы рѣшить, который изъ этихъ пунктовъ предпочесть, т. е. *куда* направить дѣйствія. То, что рѣшаетъ этотъ выборъ, не подлежитъ книжному изученію: *это одни дарованія Полководца*. Они сливаются въ одно общее соображеніе всѣ эти многоразличныя вліянія элементовъ и средствъ; они опредѣля-

ють степень важности каждаго изъ нихъ, относительно къ прочимъ и къ предполагаемому дѣйствию; они выводятъ изъ всего этого, которому изъ элементовъ, въ настоящихъ обстоятельствахъ, дать первенствующую важность; и слѣдовательно они одни могутъ опредѣлить, на которомъ изъ этихъ элементовъ преимущественно должны быть основаны самыя дѣствія. И Полководецъ, соображая все обстоятельства, иногда изберетъ главнѣйшимъ предметомъ дѣствій пунктъ въ политическомъ отношеніи важнѣйшій; иногда, по правиламъ Эрцъ-Герцога Карла, пунктъ стратегическій, важнѣйшій по мѣстности; иногда выгоднѣйшій маневренный пунктъ, сообразно съ правилами Генерала Жомини, и т. д.

И такъ мы можемъ заключить наши разсужденія слѣдующими двумя окончательными результатами:

1) Предварительныя познанія въ Стратегіи, при всей необходимости и даже обширности своей, не сообщаютъ еще искусства управлять самыми военными дѣйствіями. Человѣкъ съ посредственными способностями—и другой, одаренный геніемъ Полководца, равно могутъ пріобрѣсть эти предварительныя познанія; но для перваго они будутъ бесполезны и навсегда останутся мертвымъ, ничего неприносщимъ капиталомъ,—а второй, на основаніи этихъ самыхъ свѣдѣній, произведетъ искуснѣйшія соображенія и свершитъ блестящіе подвиги.

2) Научить искусству соображать стратегическія средства для успѣшнаго веденія войны, т. е. предложить постоянныя правила для самыхъ дѣйствій, также невозможно, какъ невозможно начертать путь, слѣдуя которому можно содѣлаться необыкновеннымъ человѣкомъ или геніемъ. Единственную помощь въ этомъ

отношеніи можетъ оказать изученіе Военной Исторіи, — изученіе трудолюбивое и основательное. Не довольно разсмотрѣть одни только главнѣйшія дѣйствія и результаты ихъ: нужно вникнуть въ сокровеннѣйшія причины каждаго дѣйствія; должно самому себѣ отдать подробной отчетъ, какое участіе имѣлъ каждый стратегическій элементъ и средство въ военныхъ соображеніяхъ; словомъ, необходимо изслѣдовать каждую мысль Полководца и стараться постигнуть во всемъ ея объемъ. Подобный разборъ походовъ знаменитѣйшихъ Военачальниковъ, безъ всякаго сомнѣнія, весьма поучителенъ; онъ можетъ объяснить примѣрами, какъ именно въ различныхъ случаяхъ, для искуснаго дѣйствія, были соображаемы стратегическіе элементы. Это объясненіе дастъ, такъ сказать, *нѣкоторый навыкъ* для подобныхъ соображеній; но оно не будетъ еще прямымъ руководствомъ самыхъ дѣй-

ствій: ибо нѣтъ военного случая, который могъ бы повториться совершенно одинаковымъ образомъ; всегда измѣненіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ сдѣлаетъ его отличнымъ отъ прежняго, потребуетъ новыхъ соображеній, и не позволитъ Полководцу слѣдовать въ точности никакому примѣру, извлеченному изъ Исторіи.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Авторъ считаетъ неизлишнимъ при-
совокупить нѣсколько словъ о трудѣ сво-
емъ, въ цѣлости взятомъ, и о выведен-
ныхъ имъ общихъ результатахъ. Эти не-
многія слова, по настоящему, слѣдова-
ло бы помѣстить въ предисловіи; но изъ
опасенія, что тамъ были бы они не со-
всѣмъ удобопонятны, онъ включилъ ихъ
здѣсь.

Самый обзоръ Стратегической Лит-
тературы уже ясно показываетъ, какъ
многообразны точки воззрѣнія на Стра-
тегію. Едва ли найдется другая наука, въ

коей было бы такъ трудно соединить большинство голосовъ. При каждой новой мысли является въ Стратегіи столько же различныхъ мнѣній, сколько въ ней системъ, или сколько различныхъ способовъ воззрѣнія на эту науку.

Подобная же участь неминуемо предстоитъ и нашему обзору:

Одни скажутъ, что въ немъ нѣтъ ничего новаго; что всѣ мысли и результаты его выражаютъ лишь то мнѣніе, которое въ новѣйшее время сдѣлалось почти общимъ у всѣхъ военныхъ людей, обдумавшихъ Стратегію здраво и неувлеченныхъ предрасудками.

Такой отзывъ конечно былъ бы для автора самымъ лестнымъ, ибо доказывалъ бы, нѣкоторымъ образомъ, сознание, *во-первыхъ*, что онъ первый отважился опровергнуть рѣшительно всякую возможность правилъ для самыхъ дѣйствій и

требовать исключенія ихъ изъ области Стратегіи, и *во-вторыхъ*, что изслѣдованіемъ всѣхъ извѣстнѣйшихъ сочиненій о Стратегіи онъ достигъ того результата, о коемъ до сихъ поръ бѣольшая часть систематиковъ полагала, что онъ можетъ быть только слѣдствіемъ незнанія лучшихъ сочиненій о Стратегіи и мыслей и доводовъ, въ нихъ изложенныхъ; то есть, что онъ можетъ быть только слѣдствіемъ невѣжества.

Другіе найдутъ, что многое, какъ въ частныхъ мысляхъ, такъ и въ общихъ результатахъ, подвержено сомнѣнію или даже опроверженію. Подобные отзывы не только не оскорбили бы автора, но, напротивъ, онъ принялъ бы съ признательностью всякое возраженіе, сдѣланное съ цѣлію привести предметъ въ бѣольшую ясность и достигнуть истины. Онъ весьма далекъ отъ того, чтобъ считать мысли свои неопровергаемыми, и, давая имъ

гласность, имѣть преимущественно въ виду возбудить пренія, съ помощію которыхъ надѣется онъ исправить недостатки въ сочиненіи своемъ.

Найдутся и такіе читатели, которые, не опровергая ни частныхъ мыслей, ни общихъ результатовъ, скажутъ, что ни тѣ, ни другіе не ведутъ ни къ чему полезному; что они суть не что иное, какъ пустыя и умозрительныя изложенія. Противъ такого отзыва авторъ считаетъ долгомъ сдѣлать краткое возраженіе заранее, потому, что подобныя мысли, бывъ приняты большинствомъ числа читателей, могли бы противудѣйствовать главной цѣли его; цѣли, состоящей, какъ уже сказано, въ искреннемъ желаніи возбудить критику и споры, дабы съ ихъ помощію пояснить науку, находящуюся до нынѣ въ самомъ запутанномъ положеніи.

Авторъ весьма согласенъ въ томъ, что его мысли могутъ подлежать опро-

верженію; но утверждаетъ рѣшительно, что если бы эти же самыя мысли удостоились быть общепринятыми, то онѣ не только не были бы пустымъ и ничтожнымъ умствованіемъ, но, напротивъ, составили бы собою важный шагъ въ наукѣ, сдѣлали бы совершенный переворотъ въ образѣ изложенія и изученія Стратегіи, да и вообще перемѣнили бы точку, съ коей бѣльшая часть сочинителей до сихъ поръ смотрѣли на нее.—Чтобъ показать яснѣе, въ чемъ именно полагаетъ авторъ важность выведенныхъ имъ результатовъ и какія перемѣны, по его мнѣнію, должны произойти въ области Стратегіи, ежели бы ихъ приняли, приводитъ онъ слѣдующее:

1) Выведенными имъ результатами опредѣляются съ точностью *предѣлы между предметами, изученію подлежащими, и тѣми, которые изучены быть не могутъ, а зависятъ отъ однихъ толь-*

ко дарованій. Это опредѣленіе крайне нужно, потому что до сихъ поръ всѣ сочинители безъ исключенія смѣшивали оба рода предметовъ, и даже, бѣльшею частію, обращали вниманіе преимущественно на то, что вовсе изученію не подлежитъ; полезныя же и необходимыя знанія представляли второстепенными и побочными. Уничтожить это важное неудобство значило бы, не только способствовать поясненію Стратегіи, но и доставить единое средство открыть въ ней истину.

2) Съ принятіемъ выведенныхъ авторомъ результатовъ прекратились бы сами собою всѣ споры о преимуществѣ одной системы предъ другою, или однихъ правилъ для дѣйствій предъ другими, ибо тогда было бы ясно, что всѣ эти системы и правила, выражая, смотря по своей сущности, лишь свойство или вліяніе одного какого нибудь отдѣльнаго

элемента, относятся къ объему всей Стратегіи, какъ части къ цѣлому, и что они взаимному между собою сравненію, по разнородности основаній своихъ, вовсе не подлежатъ.

3) Коль скоро, согласно съ мнѣніемъ автора, перестанутъ искать въ системахъ и правилахъ положительнаго руководства для дѣйствій или общихъ законовъ для всей Стратегіи, но будутъ смотрѣть на нихъ какъ на сочиненія, имѣющія цѣлію объяснить свойства или вліяніе одного какого либо отдѣльнаго элемента Стратегіи, то *всѣ несогласія и противорѣчія исчезли бы.*

4) Тогда было бы нетрудно *составить удовлетворительную учебную книгу Стратегіи*, что до сихъ поръ считалось совершенно невозможнымъ; ибо съ принятіемъ выводовъ автора были бы уже опредѣлены предѣлы предметовъ, подлежащихъ изученію; было бы показано,

съ какой точки слѣдуетъ смотрѣть на стратегическія книги, что именно почерпать въ нихъ, что отвергать, и въ какомъ смыслѣ понимать почерпнутое. Словомъ сказать, тогда прочное основаніе для составленія учебной книги по предмету Стратегіи было бы уже готово.

5) Кто рѣшится изучаться Стратегіи по предложенному авторомъ смыслу, тотъ будетъ искать въ ней свѣдѣній только о сущности и свойствахъ стратегическихъ элементовъ и средствъ, то есть свѣдѣній, въ практическомъ отношеніи истинно полезныхъ и для основанія на нихъ военныхъ соображеній необходимыхъ. На всѣ же опредѣлительныя системы и правила для самыхъ дѣйствій будетъ онъ смотрѣть какъ на могущія быть полезными только въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, не принимая ничего изъ нихъ за безусловное. Чѣмъ болѣе займется онъ Стратегіею въ этомъ смыслѣ, тѣмъ болѣе убѣдится, что

одно книжное изученіе, при всей необходимости своей, можетъ ознакомить только съ матеріалами, но отнюдь не въ силахъ даровать способности къ искусному управленію арміями. Такой путь для изучающагося Стратегіи былъ бы весьма полезенъ по двумъ причинамъ: *во-первыхъ*, предохранилъ бы отъ предубѣжденія въ пользу какой нибудь одной теоретической системы, т. е. предохранилъ бы отъ односторонности мыслей, и *во-вторыхъ*, удостовѣрилъ бы совершенно въ тѣсной ограниченности предѣловъ книжнаго изученія, и тѣмъ, конечно, внушилъ бы ту похвальную скромность, которая служить признакомъ истиннаго знанія.

6) Но кто, напротивъ, будетъ изучаться Стратегіи по какой нибудь изъ существующихъ опредѣлительныхъ системъ (какъ это теперь обыкновенно дѣлается), тому предстоятъ послѣдствія совсѣмъ

инія: прочитавъ въ нѣсколько недѣль
выбранное имъ сочиненіе и изучившись
съ легкостью не многимъ, такъ называе-
мымъ, кореннымъ правиламъ, онъ возме-
тчаетъ (сообразно смыслу сочиненія), что
постигъ уже всю сущность науки, всѣ
законы ея, и не будетъ даже подозрѣвать,
что существуютъ еще многія другія тео-
ретическія системы, столь же правдопо-
добныя, но ведущія къ результатамъ со-
вершенно противоположнымъ. Это не толь-
ко дастъ его понятіямъ о Стратегіи весь-
ма тѣсный объемъ и направленіе односто-
роннее, но и вселитъ въ него вредную са-
монадѣянность, что онъ, постигнувъ всѣ
коренные законы науки, можетъ уже
судить о достоинствахъ и ошибкахъ зна-
менитыхъ Полководцевъ, можетъ дви-
гать арміи, и что ему нѣтъ уже ни ма-
лѣйшей надобности продолжать изученіе
Стратегіи далѣе. Такая смѣсь односторон-

ности въ познаніяхъ съ увѣренностью въ ихъ удовлетворительности и общепримѣняемости, конечно, причинитъ въ практическомъ отношеніи скорѣе вредъ, чѣмъ пользу.

